ДОНАЛЬДС ВУДС ВИННИКОТТ

РАЗГОВОР С РОДИТЕЛЯМИ

БИБЛИОТЕКА ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Великий английский детский психиатр и психоаналитик Дональд Вудс Винникотт (его идеи оказали влияние и на педиатрию, в частности, на Б. Спока) не верил в советы и рекомендации. Более того, считал их вредными, лишающими родителей интуитивной мудрости и уверенности в себе. Тогда о чем же ему, крупнейшему профессионалу, было разговаривать с этими самыми родителями?

А вот об этой их интуитивной мудрости и о том, что за ней стоит. С удивительной прямотой, тепло и без сентиментальности он говорит о таких вещах, о которых говорить не принято, но которые существуют. Например, о моментах, когда мы не любим своего ребенка, а он не любит нас. И о необходимости таких моментов в сложном деле любви. О детской ревности. О стремлении быть идеальной матерью и о том, почему ребенку больше нужна обычная, несовершенная.

Своей откровенностью эта книга почти пугает — и ею же притягивает. Она поддерживает и ободряет, не внушая ложных надежд на то, что «кто-то знает лучше». Ее совершенно необходимо читать профессионалам-врачам, педагогам, психологам, — потому что для них это работа классика, впервые переведенная на русский язык. Но по-настоящему она все-таки адресована тем, кого Винникотт знал, понимал и кому служил все долгие годы своей медицинской практики — тем, у кого были, есть и будут маленькие дети.

- Дональдс Вудс Винникот
  - Нестрашный психоанализ Винникотта
  - Медицинские знания по радио
  - К мачехам и отчимам
    - Злая Мачеха
    - Ценность истории неудачника
  - Что мы знаем о младенце, который сосет палец?
  - Слово «нет»
  - Ревность
  - Что раздражает?
  - Безопасность
  - Чувство вины
  - Развитие у ребенка понятий правильного и неправильного
  - Ему уже пять лет
  - Созидание доверия

-
- Без идеализма
- Опасность учения
- Что следует знать
- Процесс роста
- Окружение
- Взаимодействие
- Два рода стресса
- Внутренний процесс
- Обеспечение окружения
- Изучение факторов окружения
- Заключение

Дональдс Вудс Винникот
Разговор с родителями

Нестрашный психоанализ Винникотта

Когда пишешь предисловие к такой книге, как эта, так и хочется начать его словами:

«Дорогой читатель!

Вы держите в руках совершенно удивительную, замечательную книгу. Она настолько хороша, что даже не верится.»

Автор этих строк давно занимается психотерапией и психологическим консультированием. И пока книгу готовили к печати, я страшно радовалась, что теперь мои пациентки смогут ее прочесть. Некоторым молодым мамам даже зачитывались вслух отрывки и, на мой взгляд, с хорошим терапевтическим эффектом. Очевидно, что это не так, но порой я ловила себя на мысли, что, будь у них раньше возможность прочесть эту книгу, они не стали бы моими пациентками.

В основном (кроме первой и последней глав) ее составляют тексты радиопередач, проведенных Винникоттом на Би-Би-Си в 50-60-е годы. То есть это настолько «популярный жанр», что дальше некуда. Дальше — только телевидение. Но книга оказалась уникальной в своем роде и может быть адресована как широкому кругу читателей, так и психологам-профессионалам.

Для «широкого круга» — не говоря о том, что это просто интересно — это еще и очень полезно. В частности, потому, что вырабатывает некоторый иммунитет против характерных для нашего времени явлений псевдомедицинской пропаганды. Винникотт всегда писал и говорил, что родители — и в основном «достаточно хорошая мать» — все делают правильно, если не забивать им голову всякой ерундой. Во все времена матери умели обеспечить ребенку необходимое. Дети как-то вырастали, обычно — нормальные, а часто еще и очень неплохие. Если же родители все делают правильно, им остается только объяснить, почему у них это получается, и тогда не будет ненужных сомнений и недоумений. Кто-то, не помню кто, назвал эту сторону деятельности Винникотта (обучение родителей, учителей, социальных работников) «доктринальной детоксикацией».

Для людей, более-менее знакомых с идеями современного психоанализа и детской психологии, чрезвычайно интересно будет увидеть, как Винникотт умеет ввести читателя (и слушателя) в понимание сути многих сложных современных концепций, не упрощая и не поясняя их, так сказать,

натуралистически. Понимание это можно назвать образным, интуитивным или метафорическим (наш перевод вряд ли может сравниться в этом отношении с оригиналом). Придет время, будет и у нас издан «академический» Винникотт с тремя комментариями на каждую шутку или метафору, что несколько приблизит авторскую речь к ее изначальной емкости и богатству. Правда, обычным родителям такую книжку читать будет не с руки, а Винникотт говорил и вообще работал в первую очередь для них. Как бы там ни было, надеемся, что некоторые читатели получат удовольствие от неожиданного узнавания (угадывания, поскольку слова автор использует другие) таких знаменитых понятий психоанализа, как «зеркало» или «Имя отца» Ж. Лакана, «параноидно-шизоидная позиция» М. Кляйн, «переходный объект» самого Винникотта. Если же читателю не знакомы эти термины, тоже не беда. Что толку в названиях, как говорит Винникотт.

Но ясно, насколько серьезны и важны для современных психоаналитических теорий те вопросы, которые поднимаются в этой простенькой книжке для мам, которые будут читать ее в перерыве между стиркой пеленок и приготовлением кашки. И что самое удивительное — все понятно.

(Заметим в скобках, что трудно найти сегодня книгу по психоанализу, в которой не отводилось бы существенное место Винникотту, причем вне зависимости от теоретических предпочтений авторов. Винникотта любят все. Даже лаканисты, уважающие в основном только Фрейда и Лакана, иногда делают для него исключение.)

А что же может дать эта — популярная — книга хорошо осведомленному психологу или психоаналитику? Вряд ли эти тексты станут для них, так сказать, информативными, но все равно чтение будет поучительным. Да ведь и вообще психоанализ меньше всего занимается «информацией». Психоанализ занимается разговорами (вспомним «talking cure» фройляйн Анны О.) А в этой книге действительно почти одни разговоры — «разговор» автора с родителями, построенный часто на реальных разговорах мам друг с другом и с ведущим. Винникотт рассматривает именно пару мать — ребенок, и еще не владеющий словом ребенок как бы говорит через мать. Тексты Винникота наглядно убеждают, что самые сложные концепции психоанализа — не абстракция, существующая на бумаге и в воображении исследователя, а живая ткань бытия детей и взрослых, доступная наблюдению и пониманию.

Словом, книга Винникота интересна всем и каждому, и мы очень рекомендуем Вам ее прочесть, особенно если Вы обладаете некоторым любопытством и желанием интересно и радостно жить

вместе со своими детьми.

Мария Почукаева.

Медицинские знания по радио

Мне предложили написать статью на эту тему. Предмет распространения медицинских знаний с помощью радиовещания для меня весьма интересен, так как время от времени я выступал на радио с беседами для родителей. Но следует иметь в виду, что на самом деле я не являюсь особенным сторонником массовых форм медицинского образования. Когда аудитория так велика, в нее попадает множество людей, которые слушают не для того, чтобы научиться чему-то, а случайно или для развлечения: может быть, они бреются или пекут кексы, и у них нет свободной руки, чтобы повернуть выключатель. Конечно, в этих условиях начинаешь серьезно сомневаться, имеет ли смысл сообщать что-то важное.

Для сравнения можно привести ситуацию со школьным вещанием, когда дети определенного возраста сидят в комнате, возможно, тихо занятые чем-то своим. Но они, несомненно, понимают, что в это время в интересной форме радиопередачи им будет преподаваться известный предмет. Ведущий же, который собирается говорить в эфире на медицинскую тему, лишен преимуществ специфической (однородной) аудитории.

Говоря о медицинских знаниях, я имею в виду психологию, а не вопросы физического здоровья или профилактики и лечения болезней. Однако многое из того, о чем пойдет речь, применимо к любому разговору о здоровье, потому что, как мне кажется, любое медицинское просвещение является психологическим. Те, кто слушают беседу о ревматизме или болезнях крови, делают это не из-за научной потребности или жажды фактов. Они слушают потому, что их интерес к болезням — патологический. Мне кажется, это справедливо по отношению к любым формам массового образования людей в вопросах медицины. Но в случае с радиовещанием следует иметь в виду, что огромное большинство слушателей вообще не заинтересованы в том, чтобы их чему-либо научили, и просто ждут, когда же снова начнется музыка. Возможно, я очерняю радиослушателя, но, во всяком случае, я пытаюсь выразить те сомнения, которые охватывают меня всякий раз, когда я слышу оптимистичный и ободряющий голос доктора, доверительно беседующего с нами о резус-факторе, или ревматическом артрите, или о раке.

Тем не менее, я хочу внести одно конструктивное предложение касательно медицинского радиовещания. Любого типа пропаганду или указания людям, что следует делать, нужно осудить. Навязывать людям доктрину, даже для их же блага,

оскорбительно, если они лишены возможности возразить, выразить неодобрение и внести свой вклад в обсуждение.

Есть ли здесь какая-либо допустимая альтернатива? Можно, например, попытаться поговорить о самых обычных вещах, чтобы помочь людям понять, почему они так или иначе поступают. Дело в том, что большинство совершаемых людьми поступков действительно разумны в конкретных обстоятельствах. Это поразительно: снова и снова слушая рассказы матерей о том, как они дома управляются с детьми, в конце концов начинаешь ощущать, что никто не мог бы научить этих родителей, что следует делать. Остается только признать, что в существующей ситуации можно было бы сделать или то же самое, или даже хуже.

Что любят люди — так это понимать проблемы, с которыми им приходится справляться, а еще — чтобы им объясняли вещи, которые они делают по наитию. Они испытывают беспокойство, когда остаются наедине со своими интуитивными действиями, вроде решений, которые приходят к ним в критический момент, когда они не обдумывают ситуацию. Может быть, родители дали ребенку шлепок, или поцеловали, или обняли, или рассмеялись. Произошло нечто уместное. Именно это было правильно, лучше и быть не могло. Никто не смог бы сказать этим родителям, что нужно делать в данных обстоятельствах, потому что этого нельзя описать заранее. Впоследствии, однако, родители принимаются обсуждать и недоумевать и часто совсем не понимают, что же они сделали, — и пребывают в смущении относительно самой ситуации. В такой момент они склонны к тому, чтобы чувствовать себя виноватыми, и готовы кинуться к любому, кто будет говорить авторитетно и отдавать приказы.

Просвещение может зацепиться за все, что люди делают и, собственно, неплохо делали всегда, с тех самых пор, как в этом мире появились человеческие существа. Если действительно удается объяснить людям, что они делают, они меньше пугаются и чувствуют себя в большей безопасности. Так что, когда у них возникают искренние сомнения или они действительно осознают свое невежество, они будут стремиться получить не совет, а информацию. А причина этого поиска информации состоит в том, что теперь они наконец знают, куда за ней обратиться. Они начинают понимать, что вполне возможен объективный подход к вопросам мышления, чувства и поведения и с меньшим подозрением относятся к науке (даже если наука вторгается в области, которые до последнего времени были в исключительном ведении религии).

Я думаю, что здесь имеется обширнейшее поле деятельности:

взять чувства, мысли и поступки людей и построить на этом фундаменте обсуждение или обучение, чтобы они лучше могли себя понимать. Так информация и может передаваться, не подрывая у слушателя уверенности в себе. Трудность этого пути для тех, кто учит, — в том, чтобы и знать достаточно много и понимать, где их знания кончаются.

Иногда радиобеседа с родителями подразумевает: «Вы должны любить своего ребенка; если вы не любите своего ребенка, он будет страдать и станет преступником». «Вы должны кормить вашего младенца грудью; вы должны получать удовольствие от того, что кормите младенца грудью; это должно быть главным делом вашей жизни». «Вы должны любить свое дитя, как только дитя появилось на свет; это неестественно — не любить свое дитя»… И так далее, и так далее. Все это очень легко сказать, но на деле сказанное может привести к плачевным результатам.

Полезно было бы указать родителям, что иногда матери поначалу не любят своих детей, что любовь — вещь сложная, а не просто инстинкт; или объяснить, почему часто мать оказывается не способной кормить грудью.

Я хотел бы добавить вот еще что. Выступая по радио, невозможно вести речь о серьезных аномалиях — как у матери, так и у младенца — особенно об аномалиях у родителей. Бессмысленно говорить людям, у которых имеются затруднения, что они больны. Когда больные люди обращаются за помощью, мы должны пытаться облегчить их бремя. Однако мы легко причиним вред, если заставим людей считать себя больными, не предложив им помощи.

Почти каждый совет, данный по радио, причиняет кому-то страдание. Недавно я говорил о том, как сказать приемным детям, что они не родные. Я, конечно, знал, что могу причинить кому-то вред. Без сомнения, я обеспокоил многих, но одна слушавшая меня мать приехала издалека и объяснила, почему было бы очень опасно *в ее обстоятельствах* сказать своему приемному ребенку, что ее удочерили. Я вынужден был согласиться, хотя в принципе считаю правильным говорить об этом приемным детям, и делать это как можно раньше.

Если матерям велят делать то, или другое, или третье, быстро возникает неразбериха, и (что самое важное) они теряют свою способность действовать почти не размышляя — без долгих выяснений, что точно правильно и что неправильно. Им слишком легко почувствовать себя некомпетентными. Они всегда опаздывают, если приходится уточнять что-то в книге или выслушивать по радио (даже если они и делают все правильно),

потому что правильные вещи должны делаться немедленно. Только если действие интуитивно или, как говорят, инстинктивно, оно происходит в нужный момент. Можно нацелить мышление на проблему позже, и, когда люди обдумывают что-то, наша работа — помочь им в этом. Мы можем обсуждать с ними и характер проблем, которые возникают перед ними, и характер их действий, и характер возможных последствий этих действий. И это не обязательно будет указанием на то, как им следует поступать.

И наконец: можно ли на самом деле обучать по радио детской психологии? Мне кажется сомнительным, что мы готовы к тому, чтобы проводить занятия такого рода. К тому же мне напомнили то известное обстоятельство, что при работе со студенческими группами (социальных работников, например, или аспирантов-учителей, или врачей) обучение не может быть свободным, но должно проводиться в формальной обстановке. Допустим, что эти студенты в течение некоторого времени учатся; у них есть возможность обсуждать между собой то, что им говорят, читать, они могут выражать несогласие или вносить что-то свое. Даже в этих благоприятных условиях некоторым из них придется бороться с трудностями: личностными трудностями, связанными с новыми идеями и новым подходом, и вызванными оживлением неприятных воспоминаний и подавленных фантазий. Им придется иметь дело с новыми волнениями и пересматривать свою жизненную философию. Обучение психологии не похоже на обучение физике, или даже биологии.

Обучение родителей, вне всякого сомнения, может проводиться в тщательно контролируемой обстановке; но ситуация радиовещания в эту категорию не попадает. Если же использовать радио, обучение должно ограничиваться весьма узким кругом вопросов, то есть ориентироваться на *обсуждение нормальных вещей, которые происходят с нормальными людьми*. В этом направлении, однако, может быть сделано очень многое, и следует надеяться, что Би-Би-Си не изменит своей политике — оказывать услуги обществу, выделяя время на медицинское просвещение; такое, которое принимает во внимание характер трудностей, присущих радиовещанию.

[1957]

К мачехам и отчимам

Злая Мачеха

Иногда высказывают предположение, что, если бы не сказки, таких представлений, как «злая мачеха», вообще не существовало бы. Сам я убежден, что это не так, и гораздо вернее будет сказать, что никакие сказки (и, коли на то пошло, никакие «страшные истории») не могли бы обладать всеобщей притягательностью, если бы не касались чего-то, что свойственно любому индивидууму — взрослому или ребенку. Сказка стремится ухватиться за что-то, что правдиво, страшно и неприемлемо. Именно, все сразу: правдиво, страшно и неприемлемо. Маленькие «неприемлемые кусочки» человеческой природы кристаллизуются в общепринятый миф. Нас сейчас занимает вопрос: что именно кристаллизовалось в мифе о злой мачехе? Во всяком случае, ясно, что это должно иметь отношение к ненависти и страху, равно как и к любви.

Каждый индивид сталкивается с большими затруднениями в попытках собрать внутренне присущую человеку агрессивность и соединить ее с любовью. Эту трудность, до некоторой степени, преодолевают в раннем младенчестве — тем, что мир в это время ощущается в своих крайностях — дружественный и враждебный, хороший и плохой, черный и белый. Плохое вызывает страх и ненависть, хорошее целиком принимается. Постепенно дети вырастают из этого способа восприятия и достигают той стадии развития, на которой они способны принять то, что разрушительные идеи сосуществуют у них с побуждениями любить. Они приобретают чувство вины, но обнаруживают, что способны и к добрым поступкам. Если мать проявит терпение, то наступит момент для спонтанного и искреннего выражения любви. Но от типичного для младенца облегчения, получаемого через черно-белое понимание мира, даже зрелые люди не могут вполне отказаться. У детей, в особенности маленьких, мы легко допускаем некоторое упорство в этом младенческом пережитке и знаем, как легко можно вызвать его проявление, читая или рассказывая им сказку, изображающую крайности добра и зла.

Обычно настоящая мама и мачеха соединяются в воображении с этими полярностями, особенно из-за еще одного обстоятельства, о котором я хочу рассказать. Оно состоит в том, что существует множество причин, по которым дети могут ненавидеть своих матерей. Мысль о ненависти к матери для каждого очень тяжела, и некоторым слушателям не понравится, что мы употребили слова «мать» и «ненависть» в одном предложении. Однако тут ничего не поделаешь; матери, если они

серьезно относятся к своей роли, являются представителями жесткого, требовательного внешнего мира, и именно они постепенно знакомят с реальностью, которая так часто оказывается враждебной желаниям. На маму сердятся, и всегда где-то имеется ненависть, даже когда нет абсолютно никаких сомнений в любви, переходящей в обожание. Если же реально есть две матери — настоящая, которая умерла, и мачеха — разве не понятно, как просто ребенок достигает освобождения от конфликта, сделав одну идеальной, а другую — ужасной? И не только ребенок: сказанное почти так же верно и в отношении ожиданий «общественного мнения».

В довершение ко всему, со временем ребенок начинает понимать или подозревать, что в самом раннем возрасте именно материнская забота обеспечила главные условия, которые дали ему возможность начать быть, начать существовать как личность, с личными правами, личными устремлениями и личным способом жить. Другими словами, вначале была абсолютная зависимость, и поскольку ребенок становится способным осознавать это, развивается и страх перед первобытной матерью, обладающей магической властью над добром и злом. Как трудно для каждого из нас сознавать, что эта всемогущая первобытная сила — наша собственная мама — та, кого мы знаем как достойное любви, но ни в коем случае не совершенное или совершенно надежное человеческое существо. Ведь могло случиться все что угодно. А позже, если речь идет о девочке, та же самая мать, изначально всемогущая, которая доводила до бешенства своей непреклонностью и которую обожали все это время, встает между дочерью и отцом. И здесь особенно мать и мачеха оказываются в совершенно неравных условиях; мать надеется, а мачеха — боится, что девочка завоюет любовь отца. Разве сказанного не достаточно, чтобы увидеть, что мы не вправе ожидать, что дети вдруг перерастут свою тенденцию расщеплять мир вообще, и двух своих матерей — в частности, на хорошее и плохое? И что нас не должно удивлять, если у взрослых сохраняются остатки этого детского мировосприятия?

Мы можем прибегать к логике, мы можем снова и снова говорить себе, что дело не в том, черные люди или белые, а в том, способны ли они, как человеческие существа, к тому, чтобы любить и быть любимыми. Но куда мы денем наши сны и кто захочет отказаться от фантазий? В фантазии нам нет нужды все время быть взрослыми, как это нужно для того, чтобы ездить на работу или ходить по магазинам. В фантазии младенческое, детское и юношеское перекрещиваются со взрослым. Но мы замечаем издержки фантазии, когда нам случается подпасть под

ту или другую черную категорию мировых мифов. Я сам, быть может, только что перешел в одну из них, когда стал говорить о ненависти и страхе, которые, как я думаю, должны присоединяться к любви в целостно переживаемых взаимоотношениях матери и ребенка. Вы можете подумать, что я спятил.

Ценность истории неудачника

При изучении любого вопроса, касающегося человеческих отношений, мы можем или держаться у поверхности, или спуститься глубже. Оставаясь на поверхности, мы избежали бы массы неприятного, но пропустили бы и ценности, лежащие в глубине. Некоторые письма, полученные после недавней передачи, безусловно, выходят за пределы поверхностного. Например, указывалось на то, что с ребенком, потерявшим родителя, нельзя вести себя так, как будто бы ничего не случилось; и часто мачехе или отчиму лучше называться как-то так, чтобы ребенок сохранил имя Мама или Папа за умершим родителем. Образ утерянного родителя может продолжать жить, и отношения, делающие это возможным, могут оказать ребенку огромную помощь. Отмечалось также, что у ребенка, оказавшегося в новой семье, могут быть и психические нарушения. И в описанном случае нелюбимого пасынка этот мальчик, прежде чем попал к мачехе, жил некоторое время у бабушки, так что он дважды пережил утрату и в результате лишился и привязанности, и веры в человеческие отношения. Если ребенок чувствует такого рода безнадежность, он не может отважиться на новую связь и защищает себя от сильных чувств и новых привязанностей.

Знаете ли вы, что множество мам не любят своих собственных детей к моменту, когда родили их? Они чувствуют себя ужасно, в точности как мачехи. Они пытаются притворяться, что любят, но при этом просто не могут любить. Насколько им будет легче, если они заранее услышат, что любовь — это нечто, что может прийти само, но не может быть включено по желанию. Обычно мать обретает любовь, начинает любить ребенка во время беременности, но это — вопрос конкретного опыта, а не общепринятых представлений. Иногда и отцы сталкиваются с той же самой проблемой. Может быть, это принимается легче, и отцам меньше нужно притворяться, так что их любовь может прийти естественно и в свое время. Не говоря уже о нелюбви, матери не так уж редко ненавидят своих младенцев. Я говорю об обыкновенных женщинах, которые, на самом деле, неплохо справляются с такой ситуацией и позаботились о том, чтобы кто-то заменял их и делал это хорошо. Я знал многих, кто жил в страхе, как бы вдруг не оказалось, что они покалечили свое собственное дитя. Они не могли говорить о своих трудностях, так как казалось невероятным, что их могут в этом понять. В природе человека так много глубоко скрытого, и лично я бы предпочел

быть ребенком матери, которой присущи все внутренние конфликты человеческого бытия, и не хотел бы, чтобы меня нянчила женщина, для которой все легко и просто, которая знает все ответы и чужда сомнениям.

Большинство из тех, кто считает себя преуспевшим в том или ином отношении, могли бы признаться, что в чем-то другом их постигла неудача. В нужное время и нужном месте рассказ о неудаче имеет огромную ценность. Конечно, другое дело, когда люди стонут и жалуются, но это явно не то, что происходило с выступавшей здесь мачехой, не любившей своего пасынка и оттого так страдавшей. Когда жена или муж получают чужого ребенка, за этим всегда стоит целая история, и в этой-то истории все и дело. Вопрос здесь не только в чувстве вины из-за того, что ребенок, так сказать, украден; здесь вся история выбора, стоявшего перед вдовой или вдовцом, или история избавления человека от уз неудачного брака. Здесь целый сонм важных моментов, которыми нельзя пренебречь и которые влияют на фон новых отношений, существующий в воображении и сновидениях. Можно исследовать, и даже не без успеха, каждый конкретный случай, но если говорить вообще, предмет становится слишком обширным, чтобы быть обозримым. Женщина, принявшая на себя роль матери для ребенка, рожденного другой — воображаемой соперницей, пусть даже и мертвой — вскоре, под давлением собственного воображения, может оказаться в положении ведьмы, а не феи-крестной. Она может и не встретить особых трудностей, или же, как описывают некоторые из слушательниц, не будет иметь ничего против вторых ролей, по отношению к бывшей жене. Но многие мужчины и женщины, когда женятся, да и позже, сами еще только пытаются стать взрослыми, и им нужно или бороться за свои права или «потерять себя», да и вообще ощущение собственной реальности. Женщине легко почувствовать присутствие чужого ребенка как напоминание о его матери, на самом деле, невыносимое напоминание. Если дело обстоит именно так, да к тому же все происходит бессознательно, картина будет искажаться и естественное развитие чувства — к терпимости, а затем любви — станет невозможным.

У меня осталось время, только чтобы отметить, что определенный процент этих детей действительно невыносим, принимая во внимание все то, что им пришлось испытать. Их можно понять и простить, но мачехе придется их вытерпеть. Для нее нет выхода. К счастью, большинство пасынков и падчериц можно подвести к дружественной позиции, и, как показывают письма, во многих случаях они совсем как собственные дети. Так что часто трудностей не возникает или они невелики и не

представляют угрозы. Но многие люди упускают из виду сложность ситуации мачехи и начинают думать, что все довольно просто. Для людей без трудностей моя экскурсия в мир воображения может показаться неприятной или даже опасной. Она опасна для их чувства надежности, но, как я сказал, если не обращать внимания на неприятные сны, даже кошмары, на депрессии и подозрения, которые у них могут быть, люди также теряют из виду и все то, что придает смысл их достижениям.

Кое-что из неудачных историй может значительно обогатить нашу жизнь. Более того, они наводят на мысль, что стоило бы помочь неудачливым людям собраться вместе. Если они соберутся и поговорят, то разделят свои тяготы и, возможно, облегчат их. Одна из корреспонденток попросила о встрече мачех и отчимов-неудачников. Я считаю, такая встреча могла бы оказаться плодотворной. И в ней приняли бы участие самые обычные мужчины и женщины.

[1955]

Что мы знаем о младенце, который сосет палец?

Из наблюдений за тем, чем занят младенец в то время, пока не спит, можно узнать очень многое. Но сначала нам нужно отбросить представление, что здесь есть правильное и неправильное. Наш интерес основывается на том, что только от младенцев мы и можем узнавать о младенцах. Ведущий на прошлой неделе представлял точку зрения, что если данный младенец сосет свой палец или кусок ткани, не наше дело одобрять или не одобрять это, но именно теперь мы получаем шанс узнать что-то об этом конкретном ребенке. Я согласен с ним и с теми мамами, письма которых он цитировал.

Мы имеем дело с широким разнообразием феноменов, характеризующих младенческую жизнь. Мы никогда не сможем изучить все, потому что это каждый раз новый младенец, а среди них нет двух одинаковых, они отличаются и лицом, и привычками. Мы узнаем что-то о младенцах не только по линии носа или цвету волос, если таковые имеются, но также и по неповторимым чертам их поведения.

Когда матери рассказывают мне о детях, я обычно прошу их припомнить, что происходило в самом начале, было характерным. Им доставляет немалое удовольствие напоминать себе о ситуациях, которые так живо воскрешают прошлое.

Они рассказывают мне о самых разных предметах, присвоенных младенцем и ставших для него важными; их сосут или мнут, и они помогают младенцу пережить моменты одиночества и неуверенности, или утешают, или действуют как успокоительное. Эти предметы — на полпути между тем, чтобы быть частью младенца, и быть частью внешнего мира. Они получают вскоре и собственное имя, что выдает их двойное происхождение. Их запах и фактура являются существенными атрибутами, поэтому и думать не смейте их выстирать. Не вздумайте также позабыть такой предмет дома, когда выходите на прогулку. Если вы мудры, то дадите этому предмету в свое время уйти в тень, раствориться вдали, подобно герою, который не умирает; но не теряйте, не отдавайте и не уничтожайте его.

Главное, вы никогда не сможете выпытать у младенца: «Скажи, ты выдумал эту вещь или это часть мира, которую ты нашел и взял себе?» Пройдет немного времени, и вы сможете требовать от младенца, чтобы он сказал «тя» для пояснения, что вот эта мохнатая собачка получена в подарок от тети. Но тот

первый предмет утвердился как часть обстановки в колыбельке и коляске до того, как слово «тя» могло быть сказано или имело какой-то смысл, до того, как младенец ясно различит «я» и «не-я», и до того, как процесс такого различения начался.

Формируется новая личность, и проживается новая жизнь, которой до этого не было, и эта новая личность со своей новой жизнью занимала отца и мать с того самого момента, как младенец стал двигаться в животе. Жизнь личности начинается именно с этих пор, и я не откажусь от своих слов, хотя мне и известно, что щенки и котята тоже сосут и играют, и это, кстати, заставляет меня думать, что животное — тоже нечто большее, чем просто комок рефлексов и аппетитов.

Когда я говорю, что личное бытие начинается именно с этих пор, то допускаю, что поначалу оно сводится к весьма ограниченным формам, но, бесспорно, это бытие уже началось к моменту появления на свет. Упомянутые нами странные привычки младенцев показывают, что инфантильная жизнь не сводится только к сну и получению молока, это нечто большее, чем инстинктивное удовлетворение от хорошей пищи, принятой внутрь и благополучно усвояемой. Эти привычки показывают, что младенец уже существует, действительно проживая жизнь, накапливая воспоминания, формируя персональные формы поведения.

Для дальнейшего рассуждения, я думаю, мы должны принять, что перед нами, в примитивной поначалу форме, то, что мы позже назовем воображением. Это позволяет нам сказать, что младенец ест не только ртом, но и руками, и чувствительной кожей лица. *Образный* опыт, получаемый от питания, гораздо богаче, чем чисто физическое переживание. *Цельный* опыт кормления быстро может включить в себя отношение к материнской груди или к матери, воспринимаемой постепенно. И то, что младенец делает руками и глазами, тоже расширяет горизонт акта питания. Такое (нормальное) положение дел станет более ясным, если посмотреть на кормление младенца, производимое как бы механически. Такое питание не только не обогащает жизненный опыт, но прерывает ощущаемую младенцем непрерывность бытия. Я не знаю, как это еще можно выразить. Здесь — только рефлекторная активность и никакого личностного опыта.

Если вы пощекочете лицо младенца, то сумеете вызвать улыбку, но он может почувствовать что угодно, только не удовольствие. Рефлекс предал своего владельца. Он сам почти овладел младенцем. Нам не подобает использовать ту власть, которой мы, без сомнения, обладаем, умея вызывать рефлексы и стимулировать инстинктивное удовлетворение, которое не

является частью жизненного ритма личности.

Все эти действия, совершаемые младенцем во время кормления, кажутся нам бессмысленными, потому что они не добавляют ему веса. Я же говорю, что именно они убеждают нас в том, что младенец питается, а не *его питают*, проживает жизнь, а не только откликается на предлагаемые нами стимулы.

Вы когда-нибудь видели младенца, который сосет палец в то самое время, когда его благополучно кормят грудью? Я видел. (Вы когда-нибудь видели сны на ходу?) Когда младенец сосет тесемку, одеяльце или пустышку, это представляет собой воображение как таковое, переливающееся через край, стимулированное центральной возбуждающей функцией, коей является питание.

Я представлю это еще по-другому. Не задумывались ли вы над тем, что все это ощупывание вокруг, сосание пальца или материи, схватывание тряпичной куклы есть первые знаки нежного поведения? Разве может быть что-то более важное?

Вы, может быть, считаете способность вашего младенца к нежности чем-то само собой разумеющимся, но вы поймете, как обстоят дела, если увидите ребенка, не способного проявлять нежность или утратившего это искусство. Можно побудить к еде ребенка, который не хочет есть, но нельзя никак заставить чувствовать любовь ребенка, который не способен к этому. Вы можете изливать на него свою нежность, но он отворачивается от вас, молча или с криками протеста.

Эти странные, отклоняющиеся действия, о которых мы говорим, есть знаки того, что младенец существует как личность и, более того, чувствует уверенность в отношениях с матерью. Он способен использовать предметы, которые, как мы сказали бы, символизируют мать или какое-то качество матери, и он может получать удовольствие от действий, которые — только игра и которые хоть на шаг-другой уже отошли от *питания*, то есть *инстинктивного* акта.

Посмотрите, что происходит, если младенец начинает терять уверенность. Небольшое лишение может привнести элемент навязчивости в привычку сосать или какую-нибудь другую, так что она станет главной, а не побочной линией поведения. Но в случае более серьезного или длительного лишения младенец совсем утеряет способность сосать тряпочку, играть со своим ртом или ковырять в носу; из этой игровой деятельности уходит смысл.

Эти первые объекты игры и игровые действия существуют в промежутке между младенцем и внешним миром. За периодом времени, когда он еще не способен различать «я» и «не-я»,

скрывается огромное напряжение душевных сил, и поэтому мы допускаем некоторую отсрочку, чтобы развитие прошло естественно. Мы видим, как младенец начинает сортировать вещи и понимать, что существует мир снаружи и мир внутри, и, чтобы помочь, мы допускаем промежуточный мир, который одновременно личный и внешний, Я и не-Я. Это то же самое, что интенсивные игры раннего детства и «сны наяву» у подростков и взрослых, которые и не сон и не факт, но и то и другое сразу.

Подумайте, ведь разве *кто-нибудь* из нас преодолел до конца нужду в промежуточной области между нами, с собственным внутренним миром, и внешней, или разделяемой реальностью? То напряжение, которое чувствует младенец, сортируя их, никогда не покидает нас совершенно, и мы позволяем себе культурную жизнь, нечто, что может быть общим, но что является и персональным. Я имею в виду, конечно, такие вещи, как дружба и религиозная жизнь. И в любом случае существуют бессмысленные действия, которые мы все делаем. Например, почему я курю? За ответом мне нужно было бы обратиться к младенцу, который, я уверен, не станет надо мной смеяться, потому что он знает лучше, чем кто-либо другой, как глупо все время вести себя разумно.

Возможно, это покажется странным, но сосание пальца или куклы могут давать ощущение реальности, в то время как реальная пища может вызывать нереальные чувства. Реальная пища спускает с цепи рефлексы, и инстинкты включаются на полную мощность, а ведь младенец еще не зашел в утверждении своего Я настолько далеко, чтобы переносить такие мощные переживания. Не напоминает ли это вам лошадь без наездника, которая выигрывает Большой Национальный? Такая победа не приносит приза владельцу лошади, так как жокей не удержался в седле. Владелец в отчаянии, а жокей, возможно, ранен. Когда вы с самого начала приспосабливаетесь к личным нуждам и ритмам вашего грудного ребенка, вы даете шанс этому новичку в скачках удержаться в седле и даже скакать на собственной лошади, и получать удовольствие от самой скачки.

Для незрелого Я очень маленького ребенка эти странные привычки вроде сосания тесемки, возможно, являются самовыражением, которое приносит младенцу ощущение реальности и дает матери и ребенку возможности для подлинных человеческих взаимоотношений, не отданных на милость животных инстиктов.

[1956]

Слово «нет»

Дональд Вудс Винникотт:

Эта программа и две последующие составляют одну серию. Предметом обсуждения является слово «нет». Вы услышите обсуждение этой темы несколькими мамами, а я сделаю в конце краткий комментарий. На следующей неделе и через одну говорить в основном буду я, но будут цитироваться и некоторые отрывки из обсуждения — просто, чтобы напомнить.

Я думаю, вы получите удовольствие от предлагаемой дискуссии, которая длится около восьми минут. Она обладает качеством подлинности. Когда вы ее слушаете, то можете быть уверены, что это не постановка. Точно таким же образом вы сами обсуждали бы этот вопрос.

Беседа матерей:

— Очень трудно найти золотую середину, то есть говорить ли детям «не делай того, не делай этого» или позволять им все что вздумается. Но, с другой стороны, нельзя же допустить, чтобы дом был полностью разгромлен…

— Я только что въехала в новый дом, около года, как у нас эта квартира. Нам пришлось приобретать всю обстановку, а заодно и нового ребенка. И я решила просто предоставить ей полную свободу в квартире, и она теперь просто счастлива.

— Да, но сколько ей — двадцать месяцев?

— Двадцать один месяц, и очень живая… *(Говорят одновременно).*

— Три года! Три года немножко отличаются от двадцати месяцев… *(Говорят одновременно).*

— Но я решила продолжать так и дальше.

— Но вы даете ей такую же свободу, даже когда она приходит в гости к кому-нибудь?

— Пока да, потому что она очень любопытна, как это бывает в таком возрасте.

— Я думаю, хорошо ли дети ведут себя в гостях, очень зависит от того, что им позволяют дома. Потому что, если они могут свободно беситься и везде пачкать, то им не нужно…

— То они не так любопытны.

— То им просто не хочется делать это где-нибудь еще. Ну, хорошо, вот вы приходите домой из магазина, а ребенок возьмет пакет с рисом — если вы по глупости оставили его не там — и рассыпет его по всему полу… *(Смех)* Это не ребенок гадкий, это вы сделали глупость… Я имею в виду, если мой ребенок такое сделает, я понимаю, что чем быстрее мы перейдем в песочницу,

где — вы понимаете — она сможет рассыпать сколько ей угодно, тем будет лучше… *(Говорят одновременно).*

— А ей никогда не надоедает в песочнице, и рис ведь интереснее?

— Конечно, интереснее, но еще я имею в виду, ну, например, лужи. Я выучилась этому не сама. За моим ребенком присматривали один год, не все время, но только в те дни, когда я преподавала (перед тем, как появился второй, я решила, что хочу продолжать преподавать). Так вот, даже в обычных туфлях эта леди могла иногда позволить ребенку залезть в лужу, а в другой раз сказать: «Смотри, сегодня не лезь в лужи, потому что ты только что вышла, и я не могу тебя сейчас переодевать.» И та не полезла бы в лужу… Я получила очень хороший урок. Я имею в виду, если вы позволяете ребенку что-то сделать, когда для вас это не будет особой неприятностью, тогда она не сделает этого, если вы как-нибудь объясните ей, что есть причина, по которой на этот раз так делать не следует. *(Говорят одновременно).*

— Но ведь это не проходит, разве нет? *(Говорят одновременно).*

— Нельзя так сразу выдавать эти объяснения, нужно готовить к этому.

— Можно сделать из объяснений игру: «Давай сделаем вот что…» — и потихоньку отойти от того, что они делают такое разрушительное… и найти какое-нибудь другое занятие. *(Говорят одновременно).*

— Ну, я постараюсь… объяснить понятнее. Я имею в виду, нужно сделать игру из того, чем ребенок сейчас занят, а потом перевести его на другую игру.

— Отвлечь?

— Ну да, отвлечь.

— Я думаю, все дело в том, что не должно быть слишком много таких вещей, о которых вы говорите: «Нет, нельзя». Я хочу сказать, когда наш первый ребенок был очень мал, было две вещи, про которые говорилось «нельзя». Во-первых, растения, которые стояли у нас в гостиной… Мы не хотели, чтобы их таскали туда-сюда. А во-вторых, электрические провода, которые висели у нас повсюду. Об этом мы говорили «нельзя»; а остальное — ну, если было что-то такое, что она могла повредить, мы убирали от нее подальше.

— Это самое мудрое. *(Говорят одновременно).*

— Это всегда было «нельзя». А остальное — не было. Поэтому, когда говорилось новое «нельзя» про что-нибудь, хотя вы и знали, что это за пределами ее понимания, она не протестовала.

— Я начала делать то же и с моей, и тоже успешно…

— Существуют ситуации, в которых вы не можете избежать слова «нельзя». Когда ребенку двадцать один месяц, вы можете поставить вещь вне досягаемости — он, скорее всего, не сумеет добраться. Но, скажем, электрические вилки убрать невозможно…

— Нужно просто найти подходящие вилки. Существуют же такие специальные вилки для электроприборов…

— А я думаю, лучше сказать «нельзя» и строго следить за этим. И гораздо лучше, если ребенок получит шлепок от вас, чем электрический шок, да и вообще любой шок.

— Нельзя же, в конце концов, все время менять все вилки. *(Говорят одновременно)*.

— Мне кажется, не так-то просто иметь немного «нет» и строго придерживаться их. Я думаю, если существует «нет», которое кажется особенно важным и интересным, оно будет притягательным для ребенка, только потому, что оно единственное. Возьмите спички — у детей возникает идея, что это самая интересная вещь в доме, потому что вы были так категоричны относительно них. Я думаю — я думаю, нужно позволять им играть со спичками.

— А кто-нибудь пытался учить детей зажигать спички, пряча их?..

— …Но это притягивает их еще больше.

— Не знаю, мне это к тому же кажется ужасно хорошим способом показать детям, что случается, когда они продолжают с ними играть.

— Даже когда они буквально сжигают себе пальцы?

— Не знаю… Допустим, это уже слишком, но пусть они зайдут достаточно далеко и поймут, что это горячо и может стать больно… И потом, они могут знать из другого опыта, что такое «горячо».

— Да, мне повезло; мой ребенок как-то дотронулся до сушилки в ванной, она была горячая, и он обжегся, а я сказала «горячо».

— Мой второй ребенок, если делает что-то и ему становится больно, он понимает, по крайней мере, я думаю, что понимает, почему больно… Но на следующий день он идет и делает в точности то же самое…

— Я уверена, здесь все дело в темпераменте. Моя первая дочка набрала полный рот горячего бекона, когда ей было примерно восемнадцать месяцев, я сказала «горячо»… И не думаю, что с тех пор она хоть раз обожглась. Потому что она знает, что такое «горячо». У нее масса воображения, и к тому же она не на шутку испугалась… Но вторая девочка совсем другая.

Ей пришлось снова и снова набивать полный рот горячего бекона…

— Существуют также вещи, которые нельзя делать не из-за того, что дети могут причинить себе вред. Например, автоматическая газовая плита. Все, что требуется сделать ребенку — это повернуть ручку… Ну, зажигается газ, с ребенком ничего особенного не случилось, но это может причинить большой ущерб всему, что находится на плите. Он знает, что этого делать нельзя, и качает головой, когда это делает… *(Смех)*.

— Ну, разве тут не самый подходящий момент для хорошего шлепка?

— Но уж, конечно, вам придется провести долгое время на страже, чтобы, когда он подберется к плите, вышвырнуть его вон? *(Говорят одновременно)*.

— На матери лежит ответственность за то, что ребенка просто не должно быть на кухне, только так. Я имею в виду, что ответственность целиком на нас.

— Но ведь вы моете посуду или готовите? *(Говорят одновременно)*.

— Ребенок же не может оставаться в своем манеже до бесконечности…

— Нет, конечно, но я имела в виду, что существует способ справиться со многими проблемами. С помощью отвлечений. Если он подходит к плите, вы даете ему что-нибудь столь же привлекательное, но безопасное. То же самое, как с ребенком постарше, нужно только напоминать им, что они должны ставить кастрюлю всегда ручкой от себя, чтобы кто-нибудь из младших не пришел и не свалил что-нибудь.

— Нам повезло. Наша столовая сообщается с кухней, и дети используют столовую для игр, а я пытаюсь удержать их там. Но я не закрываю дверь. И если они знают, что я рядом, и могут меня увидеть, если захотят, они почти все время остаются в столовой…

— А сколько им?

— О, так было с самого раннего возраста, с года или около того, как только они вышли из манежа. Они приходили повидать меня, заглядывали в дверь, а затем снова уходили к себе, к своим игрушкам и делам.

— Вы не считаете, что эта постоянная бдительность, необходимость находить отвлечения, постоянные напоминания и так далее — самая утомительная вещь на свете?

— Да. *(Говорят одновременно)*.

— Кроме того, это проблема со временем. Вы пытаетесь делать слишком много дел сразу. Вы готовите, может быть, кипятите пеленки, кто-то стучится в дверь… Неожиданно вы

поворачиваетесь и видите, что ваш ребенок играет с ручками плиты, а может быть, пытается включить электрокамин, который вы забыли убрать прошлой ночью… Такие вещи часто случаются — вы просто не в состоянии подумать обо всем наперед.

Дональд Вудс Винникотт:

Я думаю, эти мамы продолжили свое обсуждение и обмен мнениями за чашкой чая. Мы их теперь покинем.

В этот раз, как я уже сказал, я сделаю только краткий обобщающий комментарий, а на следующей неделе и через одну я предполагаю развить некоторые из затронутых тем. Мне всегда нравится слушать подобные беседы, когда люди говорят о том, что является их специальностью. Это то же самое, как если бы фермеры говорили о пшенице, ржи и картофеле или какой-нибудь мастер — о своем ремесле. Например, эти женщины говорят о разнице между детьми в двадцать четыре мясяца и в три года или каком-нибудь другом возрасте. Они знают, что от месяца к месяцу происходят колоссальные изменения. В двенадцать месяцев только несколько слов имеют для ребенка смысл как слова, тогда как в двадцать четыре вербальные объяснения становятся подходящим способом коммуникации и действенным методом добиться взаимопонимания, когда вы действительно имеете в виду «нет».

Из дискуссии мы увидели, что тут существует несколько стадий. Я могу выделить три. На первой вы несете абсолютную ответственность, все время. На второй вы начинаете передавать «нет» вашему ребенку, потому что ясно можете видеть признаки пробуждающегося разума и способности ребенка отделять то, что вы запрещаете, от того, что позволяется. Вы не пытаетесь апеллировать к моральным «хорошо» и «плохо», а просто даете ребенку знать об опасностях, от которых вы защищаете его или ее. Я думаю, ваши «нельзя» основаны на понимании реальных опасностей. Помните, что двое из матерей говорили о горячем? В подходящий момент достаточно было одного слова «горячо», чтобы соединить эту опасность с болью. Но многие опасности не соединяются с болью так просто, поэтому должно быть достаточно одного «нельзя», пока не будет достигнута следующая стадия. На третьей стадии вы приходите к взаимопониманию с ребенком, предлагая объяснение. Это предполагает использование языка. «Нельзя», потому что горячо. «Нет», потому что я сказала «нет». «Нельзя», потому что мне нравится этот цветок, подразумевая, что если цветок выдернуть из горшка, то вы будете в течение нескольких минут меньше любить своего крошку.

Я говорил о трех стадиях, но они перекрываются. Во-первых,

существует стадия, на которой вы принимаете полноту ответственности, так что, если происходит что-то не то, вы должны винить самих себя, и эта стадия очень медленно уходит в прошлое. На самом деле вы продолжаете брать ответственность на себя, но получаете некоторое облегчение от растущей способности ребенка к пониманию. Если эта первая стадия и окажется когда-нибудь преодоленной, то это будет значить, что ребенок вырос и больше не нуждается в опеке семьи, что он стал независимым членом общества.

На второй стадии вы навязываете ребенку самих себя и свое понимание мира. Эта стадия обычно трансформируется в третью стадию — объяснения, но скорость изменения и его характер зависят как от вас, так и от ребенка. Дети сильно отличаются друг от друга в своем пути развития. Мы сможем продолжить обсуждение на следующей неделе. Возможно, вы уже понимаете, что сказать «нет» не значит просто сказать «нет».

* * *

На прошлой неделе вы прослушали, как несколько матерей обсуждали слово «нет», а я добавил короткий комментарий. В этот и следующий раз я буду говорить о некоторых вещах, о которых задумался сам, пока слушал. Но сначала мне хотелось бы сказать кое-что об обсуждении в целом. В своей работе мне приходится узнавать очень многое о затруднениях матерей, когда они не устроены в жизни. Возможно, это большие личностные трудности, и они не способны реализовать себя, даже если и видят пути к этому. Или их мужья не живут с ними, не обеспечивают должной поддержки, или только мешают, или даже ревнивы. У некоторых вообще нет мужа, но они все равно должны вырастить ребенка. И, наконец, есть те, кто стал пленником неблагоприятных условий, бедности, переполненных квартир, недобрых соседей. В силу этого они не могут увидеть за деревьями леса. А еще есть и те, кто нянчит чужих детей.

Мне кажется, что мамы, которые встретились здесь, чтобы поговорить о воспитании собственных детей, принадлежат к обычным, здоровым и благополучным людям. И у них есть чувство защищенности, которое необходимо, если дело доходит до настоящих проблем ухода за младенцем. Я знаю, что большинство матерей именно такие, как те, которых мы слушали, но мне хотелось бы привлечь внимание к тому, что они счастливы. Отчасти, потому, что мы теряем нечто, когда воспринимаем благополучие как должное, а отчасти потому что

думаю о всех тех слушавших нас матерях, которые несвободны, несчастливы, разочарованы и не добились успеха; потому что каждая искренне хочет преуспеть в жизни.

После такого вступления я напомню вам те три стадии, которые выделил в прошлый раз. Сначала, сказал я, вы оказываетесь участником процесса, в котором фактически действуете как лицо, целиком ответственное за защиту младенца. Затем приходит время, когда можно сказать «нельзя», а затем и время объяснений.

Об этой первой стадии, в которой вы полностью ответственны, я хотел бы сказать несколько слов. Через несколько месяцев вы с полным правом сможете говорить, что никогда, ни единого раза, не подвели по большому счету своего ребенка, хотя, конечно, вам приходилось быть неприятной персоной, потому что вы не могли, да и никто не мог бы удовлетворить все нужды младенца — хорошо, что этого и не требовалось. На этой стадии нет никакого «нельзя»; и я напомнил вам, что эта стадия перекрывается с последующими; она длится и длится, вплоть до той поры, когда ваш ребенок становится взрослым, не зависимым от семейного контроля. Вы можете делать ужасные вещи, но я не думаю, что вы когда-нибудь по-настоящему подведете ребенка, по крайней мере, поскольку это будет зависеть от вас.

На следующей стадии, которую я назвал второй, начинает появляться «нельзя». Вы передаете «нельзя» так или иначе. Возможно, вы просто скажете «бяка». А может быть, сморщите нос или нахмурите брови. Может быть, хорошим вариантом окажется и «нельзя», если только ребенок не глухой. Я думаю, что если вы счастливы, то иметь дело с этим «нельзя» будет просто, если вы подойдете к нему прагматически, устанавливая способ существования, согласующийся с вашим, и с миром вокруг. Несчастливые матери, из-за собственной неудовлетворенности, могут перебарщивать с нежной заботой о ребенке, и иногда они говорят «нельзя» только потому, что нервничают, но тут уж ничего не поделать.

А за этим следует третья стадия, которую я назвал стадией объяснений. Для некоторых оказывается огромным облегчением, что наконец-то можно говорить и надеяться быть понятым, но я могу утверждать, что основа всего, конечно, закладывается раньше.

Мне хотелось бы напомнить вам то место дискуссии, в котором мама говорит, что вводила «нельзя» по одному. Я думаю, дело в том, что она сама совершенно ясно представляла себе, что можно позволить и чего нельзя. Если бы она сама путалась в этом, ребенок бы лишился чего-то ценного. Послушайте снова

этот фрагмент:

МАМЫ:

— Я думаю, все дело в том, что не должно быть слишком много таких вещей, о которых вы говорите: «Нет, нельзя». Я хочу сказать, когда наш первый ребенок был очень мал, было две вещи, про которые говорилось «нельзя». Во-первых, растения, которые стояли у нас в гостиной… Мы не хотели, чтобы их таскали туда-сюда. А во-вторых, электрические провода, которые висели у нас повсюду. Об этом мы говорили «нельзя»; а остальное — ну, если было что-то такое, что она могла повредить, мы убирали от нее подальше.

— Это самое мудрое… *(Говорят одновременно).*

— Это всегда было «нельзя». А остальное — не было. Поэтому, когда говорилось новое «нельзя» про что-нибудь, хотя вы и знали, что это за пределами ее понимания, она не протестовала.

— Я начала делать то же и с моей, и тоже успешно…

Дональд Вудс Винникотт:

Итак, здесь говорится о том, как матери приспособиться к тому, что младенцу необходимо несложное начало чего-то такого, что должно становиться все сложнее и сложнее. У ребенка вначале было всего два «нельзя», потом, без сомнения, добавились и другие, и дело обошлось без ненужной путаницы.

Теперь давайте вспомним, как было использовано слово еще до того, как могли быть даны объяснения. В этом отрывке слово «горячо» помещает нас как раз между второй и третьей стадиями, как я их назвал.

МАМЫ:

— Даже когда они буквально сжигают себе пальцы?

— Не знаю… Допустим, это уже слишком, но пусть они зайдут достаточно далеко и поймут, что это горячо и может стать больно… И потом, они могут знать из другого опыта, что такое «горячо».

— Да, мне повезло; мой ребенок как-то дотронулся до сушилки в ванной, она была горячая, и он обжегся, а я сказала «горячо»…

— Мой второй ребенок, если делает что-то и ему становится больно, он понимает, по крайней мере, я думаю, что понимает, почему больно… Но на следующий день он идет и делает в точности то же самое…

— Я уверена, здесь все дело в темпераменте. Моя первая дочка набрала полный рот горячего бекона, когда ей было примерно восемнадцать месяцев. Я сказала «горячо», и не думаю, что с тех пор она хоть раз обожглась. Потому что она знает, что

такое «горячо». У нее масса воображения, и к тому же она не на шутку испугалась. Но вторая девочка совсем другая. Ей пришлось снова и снова набивать полный рот горячего бекона…

— Существуют также вещи, которые нельзя делать не из-за того, что дети могут причинить себе вред. Например, автоматическая газовая плита. Все, что требуется сделать ребенку — это повернуть ручку… Ну, зажигается газ, с ребенком ничего особенного не случилось, но это может причинить большой ущерб всему, что находится на плите. Он знает, что этого делать нельзя, и качает головой, когда это делает… *(Смех)*.

— Ну, разве тут не самый подходящий момент для хорошего шлепка?

Дональд Вудс Винникотт:

…Ну, возможно, и подходящий. Вообще, из того, как они говорят, можно увидеть, что все важное приходит с жизненным опытом, от случая к случаю. Нет никаких уроков и нет установленного времени для обучения. Обучение происходит постольку, поскольку люди, которых это касается, оказываются вовлеченными в действие.

Я хочу, однако, повторить, ничто не может освободить мать маленького ребенка от вечной бдительности.

МАМЫ:

— Ну, хорошо, вот вы приходите домой из магазина, а ребенок возьмет пакет с рисом — если вы по глупости оставили его не там — и рассыпет его по всему полу… *(Смех)* Это не ребенок гадкий, это вы сделали глупость… Я имею в виду, если мой ребенок такое сделает, я понимаю, что чем быстрее мы перейдем в песочницу, где — вы понимаете — она сможет рассыпать сколько ей угодно, тем будет лучше.

Дональд Вудс Винникотт:

Да, рис был рассыпан по ее вине, разве нет? Однако, я подозреваю, она была рассержена! Подчас это просто вопрос архитектуры, расположения комнат или наличия стеклянной панели в двери между кухней и детской.

МАМЫ:

— Нам повезло. Наша столовая сообщается с кухней, и дети используют столовую для игр, а я пытаюсь удержать их там. Но я не закрываю дверь. И если они знают, что я рядом, и могут меня увидеть, если захотят, они почти все время остаются в столовой.

— А сколько им?

— О, так было с самого раннего возраста, с года или около того, как только они вышли из манежа. Они приходили повидать меня, заглядывали в дверь, а затем снова уходили к себе, к своим игрушкам и делам.

Дональд Вудс Винникотт:

Да, ей повезло, не правда ли, с планировкой квартиры?

А затем мы слышим о том напряжении, которое вечная бдительность возлагает на матерей. Это особенно верно, я думаю, если женщина перед тем, как выйти замуж, имела постоянную работу и испытывала то удовлетворение, которое работа приносит большинству мужчин. Они могут сконцентрироваться, а придя домой, расслабиться. Разве это не несправедливость нашего мира по отношению к женщине? Давайте послушаем, что наша группа говорит об этом.

МАМЫ:

— Вы не считаете, что эта постоянная бдительность, необходимость находить отвлечения, постоянные напоминания и так далее — самая утомительная вещь на свете?

— Да… *(Говорят одновременно).*

— Кроме того, это проблема со временем. Вы пытаетесь делать слишком много дел сразу. Вы готовите, может быть, кипятите пеленки, кто-то стучится в дверь… Неожиданно вы поворачиваетесь и видите, что ваш ребенок играет с ручками плиты, а может быть, пытается включить электрокамин, который вы забыли убрать прошлой ночью… Такие вещи часто случаются — вы просто не в состоянии подумать обо всем наперед.

Дональд Вудс Винникотт:

Нет, конечно, это невозможно. К счастью, вечная бдительность вовсе не вечна, хотя ощущается именно так. Она длится ограниченное время — для каждого ребенка. Очень скоро он уже не младенец, потом идет в школу, и тогда уже бдительность разделяется отчасти с учителями. Однако «нельзя» остается важным словом в лексиконе родителей, и запрещение остается важной частью того, что мамам и папам приходится продолжать делать до тех пор, пока каждый ребенок, своим собственным путем, не вырвется из-под родительской опеки и не найдет свой собственный способ бытия.

Но в нашей беседе еще есть важные моменты, которых я не успел коснуться, поэтому я рад возможности продолжить разговор на следующей неделе.

* * *

Сегодня я продолжу обсуждение слова «нет» применительно к уходу за младенцем и ребенком. Я буду делать то же, что и раньше, и говорить о трех стадиях, потому что это удобный способ развития темы: когда, как и зачем говорить «нет». Я хочу

снова описать все три стадии, но несколько другим языком, так что в определенном смысле не имеет значения, если вы не слушали меня на прошлой неделе или успели все позабыть.

Я говорил, что эти стадии перекрываются. Первая стадия не заканчивается, когда начинается вторая, и так далее. Первая идет перед тем, как вы начинаете говорить «нет». Ребенок еще не понимает, и за все отвечаете вы, и так должно быть. Вы принимаете всю полноту ответственности, и эта ответственность уменьшается, но не оканчивается до тех пор, пока ребенок не становится взрослым и, так сказать, отпадает необходимость контроля, который обеспечивает семья.

То, что я назвал первой стадией, относится, на самом деле, к позиции родителей, и отец (если он существует и находится рядом) вскоре принимает участие в формировании и поддержании этой родительской позиции. Я перейду к следующим двум стадиям позже; они имеют отношение к словам, а первая вообще не имеет ничего общего со словами. Итак, сначала мать, а потом оба родителя ставят себе задачей следить за тем, чтобы не происходило ничего непредвиденного. Они могут делать это произвольно, но в основном контроль осуществляет само их тело. Это цельная модель поведения, которая отражает их внутреннюю установку. Младенец чувствует защищенность и впитывает материнскую уверенность в себе точно так же, как молоко. Все это время родители говорят «нет» *внешнему миру*: «Нет, сюда нельзя, держись подальше от нашей территории; у нас здесь — существо, которое мы защищаем, и мы никого не пропустим за барьер.» Если родитель пугается, то что-то проникает за барьер, и ребенку больно, точно так же, как если бы ужасный шум проник внутрь и причинил младенцу невыносимые мучения. Во время воздушных налетов дети не боялись бомб, но на них немедленно действовала паника, которой поддавались матери. Но большинство младенцев проходят сквозь первые месяцы жизни, ни разу не пострадав от чего-либо подобного, и когда, в конце концов, внешний мир должен сломать эти барьеры, ребенок уже развивает способы обращения с неожиданным, и даже начинает приобретать способность предвидения. Мы могли бы поговорить о различных защитах, которые имеются в распоряжении развивающегося ребенка, но это уже совсем другая тема.

От этой ранней фазы, в которой предполагается, что за все отвечаете вы, происходит чувство родительской ответственности — именно то, что отличает родителей от детей и что, возможно, делает чепухой все те игры, в которые любят играть некоторые люди, когда мама и папа пытаются быть просто приятелями для

своих детей. Но матерям требуется способ дать понять младенцам, от каких опасностей они их защищают. Им необходимо и понимание того, как их поведение влияет на материнскую любовь и приязнь. Так что приходит время говорить «нельзя».

Теперь мы видим начало второй стадии, когда вместо того, чтобы говорить «нет» окружающему миру, мать говорит «нет» своему ребенку. Об этом было принято говорить как о введении принципа реальности, но как это назвать, неважно; мать и ее муж постепенно представляют младенца реальности и реальность — младенцу. Одним из путей может служить запрещение. Вам, наверное, приятно услышать, что «нет» — один путь, так как запрещение — только один из двух путей. Базисом для «нет» служит «да». Некоторые дети получают воспитание в базисе «нет». Мать, возможно, думает, что ключом к безопасности могут служить только ее указания на бесчисленные опасные ситуации. Но жалко, когда ребенок знакомится с миром таким способом. Очень многие дети могут использовать другой метод. Их расширяющийся мир связан с растущим числом разного рода объектов, о которых мать находит возможным сказать «да». Развитие ребенка в этом случае больше связано с тем, что мать позволяет, чем с запрещением. «Да» образует основу, к которой добавляется «нет». Конечно, это не исчерпывает всего, что происходит. Это вопрос, следует ли развитие младенца в основном той или другой линии. Дети с ранних дней могут быть чрезвычайно подозрительными. Я должен напомнить, что они бывают самыми разными. Но большинство способны доверять своим матерям, по крайней мере, некоторое время. В целом они тянутся к вещам и пище, которые, как они знают, мать одобряет. Разве не верно, что первая стадия — одно большое «да»? Это «да», потому что вы никогда не разочаровываете младенца. Вы никогда не допустите настоящей ошибки в выполнении своей глобальной задачи. Это огромное невысказанное «да», и оно образует твердый базис для существования ребенка в мире.

Я знаю, на деле все сложнее, чем я описываю. Скоро каждый ребенок становится агрессивным и приобретает разрушительные мысли, и простое доверие ребенка к матери нарушается, а временами она вообще не настроена дружелюбно по отношению к ребенку, хотя и остается собой. Но нам нет нужды вдаваться здесь в детали такого рода, потому что обнаруживается масса такого, над чем стоит подумать, если представить себе, каким сложным быстро становится мир ребенка со стороны внешней реальности. Например, у мамы один набор «не смей», а у помогающей ей бабушки другой, а может быть, есть еще и няня. Мамы, кроме

того, вовсе не являются учеными; у них могут быть любые суеверия, ни на чем не основанные. Иная мама, например, боится, что все зеленое ядовито, поэтому его нельзя брать в рот. Как ребенок поймет, что зеленый предмет — отрава, а желтый — превосходен? А что, если он не различает цвета? Я знаю младенца, за которым ухаживали два человека, один левша, а другой правша, и это было уже слишком. Поэтому мы ждем осложнений. Но младенцы каким-то образом проходят через все это; они достигают третьей стадии — объяснения. Тогда они могут черпать мудрость из нашей сокровищницы знаний; они могут учиться тому, что мы, как нам кажется, знаем, но самое важное, что они вот-вот смогут не соглашаться с нашими аргументами.

Подытоживая все сказанное на этот раз, скажу, что поначалу речь идет об уходе за младенцем и его зависимости от матери, о чем-то вроде веры. Потом это становится вопросом морали; приходится пользоваться материнской версией морали, пока ребенок не разовьет личное моральное чувство. А потом, с объяснениями, возникает наконец основа для понимания, а понимание — это наука и философия. Разве не интересно видеть начало таких великих вещей уже на самых ранних стадиях развития человека?

Еще несколько слов относительно материнского «нельзя» или «нет». Не является ли оно первым знаком отца? Отчасти отцы похожи на матерей и могут ухаживать за ребенком и вообще выполнять массу женской работы. Но, мне кажется, как отцы они появляются на горизонте младенца в виде той жесткой части матери, которая позволяет ей говорить «нет» и настаивать на этом. Постепенно, если все складывается благоприятно, этот принцип «нет» становится воплощенным в самом человеке — Папе, которого любят, и даже уважают, и который может отвесить при случае шлепок-другой, ничего при этом не теряя. Но он должен заслужить свое право шлепать, если собирается это делать — тем, что находится рядом и не принимает сторону ребенка против матери. Поначалу вам может не понравиться идея воплощения «нет», но, возможно, вы поймете, что я имею в виду, если я напомню, что маленькие дети любят, когда им говорят «нет». Они не хотят играть только мягкими игрушками. Им нравятся камни, палки и жесткий пол; нравится, когда им говорят, что пора слезать, не меньше, чем сидеть на руках.

[1960]

Ревность

Что вы думаете о ревности? Хорошо это или плохо? Нормально или ненормально? Было бы полезно, слушая беседу матерей, держать в уме все эти вопросы, когда будет описываться какое-то проявление ревности. Является ли оно тем, чего следует ожидать, или что-то где-то неправильно? Думаю, ответ будет сложным, но нет смысла делать его сложнее, чем это необходимо, поэтому мы сначала поговорим о тех событиях, которые происходят в каждом доме. Я не побоюсь сказать заранее, что, по моему мнению, ревность — нормальное и здоровое явление. Ревность возникает оттого, что дети любят. Если они не способны к любви, то не проявляют и ревности. Впоследствии мы рассмотрим и менее здоровые аспекты ревности, в особенности скрытого характера. Я думаю, вы увидите, что в расказанных этими мамами историях ревность обычно приходит к естественному концу, хотя и может вновь возникать и опять пропадать. В конце концов здоровые дети становятся способными сказать, что ревнуют, и это дает им возможность обсудить, почему; это может немного помочь преодолению ревности. Я думаю, главное, что можно увидеть в ревности — она представляет собой достижение в развитии младенца, указывая на способность любить.

Дальнейшие достижения приносят ребенку способность переносить свою ревность. Первые зерна ревности образуются обычно вокруг рождения нового малыша, но хорошо известно, что ревности не избежать и при наличии в семье всего одного ребенка. Все, что отнимает у матери время, может вызывать ревность так же, как и новый младенец. Я действительно считаю детей, столкнувшихся с ревностью и поладивших с ней, богаче в части личностного опыта. Это мое мнение, а теперь я предлагаю послушать некоторых матерей, отвечающих на вопросы и разговаривающих о ревности.

МАМЫ:

— Миссис С., у вас, как я знаю, восемь детей. Случалось ли, что они ревновали друг к другу?

— Двое или трое из них — да… Первому ребенку было пятнадцать месяцев, когда родился второй. Я кормила младенца, ему было около трех недель, а первый гладил его по голове и говорил «ба-ба», и так нежно… Я спросила: «Да, разве он не чудо?» — и в следующую минуту тон изменился, выражение изменилось… Он стукнул крошку по голове и снова сказал «ба-ба»… И я начала понимать, что он не испытывает особого счастья

от появления братика. А через неделю после этого я надевала шляпу, чтобы выйти на улицу, случайно взглянула в окно и увидела, что младенца вот-вот выбросят из коляски на дорожку. Но я тут же все поменяла: посадила старшего на его старое место, а крошку с другой стороны… И так же поступала со всеми ними… И конфликтов в коляске никогда не возникало. Они не любят, когда их выгоняют с их места. А тот ребенок — первый — устраивал сцены, ужасно кричал и топал ногами, я думаю, из-за крошки.

— Он все еще ревнует?

— Вовсе нет. Он начисто избавился от этого. Он у нас старший и очень гордится остальными, но когда-то это было.

— Миссис Л., а что происходило с вашими тремя?

— Ну, старшему было два года, когда родился брат, и три с половиной, когда родилась сестра. Он был спокойным, счастливым ребенком… А когда впервые увидел брата, то просто не обратил никакого внимания. Мы пытались подготовить его к этому событию; но он просто не понимал.

— Конечно, я полагаю, он был слишком мал.

— Слишком мал, чтобы понять. Его безразличие длилось неделю или две, а потом он вдруг увидел младенца в коляске… А сам он не сидел там уже несколько месяцев, потому что стал уже слишком большим… И все же он горько заплакал.

— А сколько тогда было крошке?

— Около трех или четырех недель, а старший горько плакал… Я думаю, с этого все и началось. И после этого всегда, когда младенца переодевали, он тоже мгновенно становился мокрым или пачкался… И исправился он очень нескоро… Это произошло только тогда, когда он стал старше и начал понимать.

— Что случилось, когда родилась сестра?

— Он всегда относился к ней с большой любовью и нежностью, и второй мальчик тоже.

— А больше не было никаких неприятностей ни с чьей стороны?

— Нет… Но позже, когда брат научился сидеть и реагировать, старший стал агрессивен.

— Вы считали, что это было знаком ревности, или нет?

— О да, безусловно. Однажды я застала его при попытке задушить брата в коляске… И он относился к нему с совершенным презрением. И я боюсь, что мстила иногда за младенца, потому что просто не могла этого вынести. Но не думаю, что это было правильно. Это совершенно не улучшило положения дел.

Дональд Вудс Винникотт:

Все это кажется мне повседневными семейными делами. Я напомню вам возраст этих детей, так как возраст определяет очень многое. Ребенку, который во время кормления гладил брата по голове, а затем попытался выбросить его на дорогу, было пятнадцать месяцев, когда родился младенец. А потом был двухлетний ребенок, который поначалу казался индифферентным. Ему говорили, чего следует ожидать, но, возможно, он был не способен понять. Через три недели после рождения брата, увидев того в коляске, в которой раньше сидел сам, он горько заплакал. Он, при доброжелательном отношении матери, преодолел это. Но позже, когда брат стал садиться и реагировать на окружающее, он стал агрессивным и презрительным, а однажды попытался задушить младенца в коляске. Только к четырем годам он сменил свое отношение на более дружелюбное. Ни он, ни брат никогда не проявляли ревности к сестре.

Вот еще фрагмент беседы.

МАМЫ:

— Миссис Т., как обстоит дело с ревностью среди ваших семерых детей?

— Ну, единственная ревность, которую я заметила, была между девочками.

— А сколько у вас девочек?

— Всего две. Понимаете — сначала мальчик, потом девочка, потом четыре мальчика и еще одна девочка. Джин все спрашивала, спрашивала и спрашивала, вы знаете: «Когда же будет маленькая сестричка?» Каждый раз это был мальчик, и она становилась раздражительной на день или два, но потом это проходило. Ну, а потом она однажды пришла из школы и обнаружила, что у нее появилась маленькая сестричка… И поначалу она, казалось, трепетала от восторга. Беда была в том, что я родила девочку 10-го, а 16-го Джин исполнялось семь лет — никаких гостей, конечно… Я не могла бы с этим справиться. И вот около месяца Джин каждый вечер приходила из школы, пила чай и сразу уходила в постель, где выплакивала себе глаза. Мы ничего не могли с ней поделать, она не хотела слушать… Но я думала, что в конце концов она справилась с этим, что она пришла в себя. И вот вчера малютка лежала больная в кровати, и я попросила Джин, так кротко, как только могла: «Джин, не принесешь ли ты мне ночную рубашку для Патриции?» И Джин отвернулась и сказала: «Нет, с какой стати? Пусть пойдет и возьмет сама — она уже достаточно большая.»

— Она продолжает ревновать?

— Да, похоже на то. Но все было так мирно с тех пор, как

Патриции исполнилось шесть недель. Сейчас ей уже два года, и внезапно все вернулось опять. Я могу только надеяться, что мы и теперь сможем избавиться от этого.

— Джин не проявляет как-нибудь ревности к братьям?

— Нет.

Дональд Вудс Винникотт:

Сестренка Джин появилась на свет за неделю до ее седьмого дня рождения, и, когда из-за этого ей пришлось обойтись без праздничной вечеринки, она стала неистово ревновать. Этот первый припадок ревности длился шесть недель, и все началось снова, когда ей исполнилось девять, а сестре — два года. Джин не возражала против рождения четырех мальчиков (всего в семье семеро детей) и, на самом деле, всегда просила о сестренке. Я думаю, сестра, которую вы получаете в действительности, совсем не обязательно та самая, о которой вы мечтали.

Теперь еще один рассказ.

МАМЫ:

— Миссис Г., а как обстоят дела у вас? Вы сталкивались с ревностью?

— Да, у нас это было. Моей девочке, — сейчас ей четыре с половиной, — исполнялось три года, когда родился мальчик… Она была в восторге от того, что у нее будет маленький братик, или вообще, маленький ребенок. Но обнаружилось — почти с самого начала — что если я держу младенца, то она обязательно должна пойти и сесть на колени моему мужу, и наоборот. Она хотела, чтобы я читала ей, пока кормлю ребенка, или, по крайней мере, сидела около меня.

— Но это как-то разрешилось?

— Да, действительно. Ревность сошла на нет, и все было тихо до тех пор, пока брату не исполнилось — наверное, год или около того — он стал вставать, играть в манеже и так далее. И тут возникла куча неприятностей с игрушками. Я достала для него ее прежние игрушки, и, конечно, она узнала их… И тут же: «Это мое, мое, мое…» И началось — она хотела снова играть своими младенческими игрушками, и пришлось купить еще игрушек, которые были исключительно его, а то не было никакого покоя.

— А она не хотела играть его игрушками?

— Нет-нет, она бы ни за что к ним не притронулась… Но когда видела, что он берет ее игрушки (хоть она и не притрагивалась к ним года два), то снова хотела играть с ними. И это тоже затихло, более-менее благополучно… Теперь ему восемнадцать месяцев, и все начинается снова, потому что он не сидит на месте и хватает ее вещи.

— …Что-то вроде перетягивания каната?

— Да-да, в самом деле. Она подкладывает свои вещи — я ей всегда говорю: «Положи на стол, где он не достанет.» Но она положит их где-нибудь низко и поворачивается спиной. А он подходит и начинает таскать их по всему дому, и тогда она приходит в ярость. Но на самом деле она очень терпелива с ним.

Дональд Вудс Винникотт:

Этой девочке было почти три года, когда родился брат. Она была в восторге от этого, но чувствовала, что младенец вытесняет ее, когда он на коленях у матери. И тогда она шла к отцу. Когда младенцу был год, а ей четыре, она стала недовольна тем, что он претендует на ее игрушки. Хотя она уже давно забросила их. Вы заметили, что она кладет свои игрушки там, где брат может их достать? Мать говорит, что она очень терпелива с ним, и у меня есть чувство, что ей на самом деле приятно, когда он берет ее игрушки, хотя она и протестует. Возможно, она воспринимает ситуацию и с его точки зрения, а не только со своей.

Теперь, когда вы услышали эти рассказы, не кажется ли вам, как и мне, что вся эта ревность является частью здоровой семейной жизни?

* * *

Я задавал себе вопрос: как и когда начинается ревность? И что должно занимать ее место до того, как слова «ревность» или «зависть» могут быть применены и иметь смысл? Я добавил слово «зависть», потому что ревность и зависть очень тесно связаны. Ребенок, который ревнует к новому младенцу, завидует, что он или она владеет вниманием матери. Я замечу, что матери, которые говорили о своих детях, ни разу не упомянули о ревности у ребенка, которому было бы меньше пятнадцати месяцев. Интересно, что бы вы сказали об этом? Я думаю, что можно обнаружить признаки ревности раньше, чем в пятнадцать месяцев, но ненамного. В девять месяцев, например, ребенок слишком мал, слишком незрелая личность, чтобы ревновать. В год, вероятно, тоже; может быть, как отдельные проявления. Но в пятнадцать, безусловно, да. Постепенно, так как дети растут, возникает ревность по поводу более сложных вещей. Но вначале довольно очевидно, что ревность касается нарушенных отношений или угрозы обладанию, которое заменяет отношение. Основой ревности является отношение к матери, а с течением времени присоединяется отношение к отцу. Мы обнаруживаем, что многие из ранних случаев ревности, очевидно, связаны с матерью и часто группируются вокруг кормления. Это потому, что

для младенца кормление жизненно важно. Для матери кормление — только одно из того многого, что она делает для ребенка, но и для нее оно может быть очень важным. Вот фрагмент разговора между несколькими мамами.

МАМЫ:

— Между ними двадцать два месяца разницы, и когда он родился — я рожала второго дома — мой мальчик увидел его, когда тому было всего несколько минут… И несколько дней все шло нормально. Затем он увидел, как я кормлю, и с тех пор месяца два он стоял и орал каждый раз, когда я кормила младенца… И я ничего не могла поделать. Я пыталась по-всякому успокаивать его и давала ему все, что могла, но это очень трудно, когда кормишь ребенка… И он все стоял и кричал. Но примерно через два месяца это прошло и он, казалось, совсем преодолел свою ревность. А потом, когда младенец начал сидеть — в семь или восемь месяцев — опять начались те же представления, я имею в виду не крики, а ревность.

— А моя была немного младше. Я должна сказать, что меня удивило, что она не брала бутылочку — одно время — она забыла, как сосать. Я поразилась, потому что она пришла (я кормила маленького) и тоже захотела сосать. И я подумала: хорошо — но она не стала… Как только она устроилась у груди, то вроде бы почувствовала отвращение. Я думала: хорошо, сделай глоток, если хочешь, посмотрим, что из этого выйдет… И она подходила несколько раз — еще совсем недавно, как бы в шутку. Я ее не прогоняла, я сказала: давай, сделай глоток, но она не хотела. А теперь она захотела бутылочку (я кормлю теперь маленького из бутылочки) И я дала ей плохую, маленькую — бедный ребенок — ну просто символически, понимаете.

— Моя старшая дочь сидит у меня на коленях, когда я кормлю малыша… Я кормлю грудью, так что можете представить, какой это кавардак. *(Смех)* Она обожает его, понимаете, похлопывает по головке и гладит… Но ей все-таки пока только семнадцать месяцев, так что тут все по-другому.

— У нас была ревность между двумя старшими, с третьим — нет. Но первые два… Моя девочка, когда родился второй, хотела сидеть у моего мужа или требовала чего-то особенного — чтобы я читала, пока кормлю малыша и все такое… А потом эта фаза прошла, и теперь мальчику семнадцать месяцев. Между ними просто жуткие войны бывают. Что есть у одного, тут же хочет другой… Конечно, был период, когда она могла брать у него все, что хотела — она на три года старше его… Но теперь у него мертвая хватка, и он орет — не кричит, а просто яростно орет на нее. Но оба они очень нежны с третьим, делают жесты и все

такое… И ни один из них вроде бы не проявляет ревности к младшему.

— Это, на самом деле, не ревность, когда они борются за обладание чем-нибудь, это…

— Это потому, что они хотят внимания.

— Да, я понимаю.

— Понимаете, маленькая кукла, которую я дала мальчику — девочка же совершенно выросла из таких вещей… Из-за того, что я дала ему, она немедленно захотела эту куклу. А если бы я не дала ее малышу, а просто положила бы на стол, и дочка могла бы взять, если бы захотела, то она и не обратила бы никакого внимания.

Дональд Вудс Винникотт:

Из этого диалога видно, как много связано с кормлением. Я хочу использовать последний фрагмент разговора, чтобы проиллюстрировать свою мысль. Я имею в виду девочку, которая открыто может проявлять ревность ко второму ребенку — мальчику — но потом это проходит. А потом она и мальчик, которому теперь семнадцать месяцев, начинают свои ужасные войны из-за игрушек. Но есть разница между тем, как ревнует она, и тем, как он просто вцепляется и орет. Одна из мам сказала: «Это не ревность, это просто борьба за собственность.» Я согласен, но именно здесь мы можем увидеть, как развивается ревность. Я говорил, что для ревности нужен определенный возраст. Теперь я хочу сказать, что после определенного возраста ребенок ревнует, а до этого он просто цепляется за собственность. Сначала обладание, а ревность приходит позже.

Я не могу не вспомнить театральное агентство, где для рекламы используют такой лозунг: «Вы хотите самые лучшие места; у нас они есть.» Это неизменно заставляет меня безумно ревновать, так что, кажется, сорвался бы с места и побежал за этими местами, которые я хочу, а у них есть. Штука в том, что я должен заплатить за них. Пользуясь этой иллюстрацией, я могу сказать, что до некоторого возраста маленький мальчик или девочка все время провозглашает: «У меня есть лучшая мать» — хотя и не этими словами. Но приходит момент, когда ребенок способен заявить: «У меня есть лучшая мать — ты хочешь ее.» Это новое, мучительное достижение.

Чтобы ясно представить последовательность событий, мы, однако, должны вернуться еще назад. Было время и до того, как младенец, так сказать, провозглашал: «У меня лучшая мать.» В эти ранние времена факт обладания лучшей матерью разумелся сам собой. Не было места для рекламы. Мать, и все, что ее заменяло, принималась как данное. Затем идет: «У меня лучшая

мать» — и это свидетельствует о проблесках понимания младенцем, что мать — не просто часть собственного Я, но что она приходит извне, а может не прийти, и что бывают другие матери. Теперь мать становится собственностью, за которую можно держаться, а можно выпустить. Все это приходит с развитием ребенка, с тем, что мы называем эмоциональным ростом. А потом возникает вторая часть лозунга: «И ты хочешь ее.» Но это еще не ревность, а вопрос защиты собственности. Ребенок цепко за нее держится. Если бы в театре так делали, мы бы не могли туда попасть. Затем, наконец, признается, что главное сокровище — мать может принадлежать и кому-то другому. Ребенок теперь — один из тех, которые хотят, но уже не тот, кто имеет. Владеет кто-то другой. И вот тогда-то ревность становится тем словом, которое следует использовать для описания изменений, происходящих с ребенком, при появлении нового младенца, как призрака прошлого Я, сосущего грудь или мирно спящего в колясочке.

Я повторю то, что сказал. Я упоминал раннее младенчество, когда то, что желательно, является частью собственного Я, или оно выглядит как возникающее из потребности младенца. Появления и исчезновения принимаются ребенком как должное. Потом вещь или любимое лицо становятся частью мира снаружи, становятся предметом обладания, который можно удержать или потерять. Любая угроза утраты собственности ведет к страданию и вызывает неистовые попытки удержать объект. С течением времени и дальнейшим развитием сам ребенок становится тем, кто угрожает, кто ненавидит все новое, которое оказывается способным заявить права на внимание матери, будь то новый младенец или книга, которую она читает. Можно сказать теперь, что ревность достигнута. Ребенок завидует новому малышу или книге и прикладывает все усилия, чтобы вернуть утраченные позиции, хотя бы только на время или в символической форме. Поэтому в начале ревности у детей часто можно видеть попытки возвращения в младенчество, хотя бы отчасти или ненадолго. Они могут даже захотеть вернуться к кормлению грудью. Но обычно они лишь мечтают, чтобы с ними обходились так же, как во времена, когда они были безраздельными собственниками, когда они были теми, кто имеет, и не знали никого, кто не имел, но хотел. Вы можете помнить по прошлой передаче ребенка, который снова стал мочиться, а сегодня вы слышали о девочке постарше, которой мама дала маленькую бутылочку; это символ, сказала она.

Если вы подумаете обо всем, что происходит с маленьким ребенком по мере того, как проходят дни и недели, то легко

увидите, почему существует потребность в надежном окружении, а это именно то, что вы можете дать своему ребенку — лучше, чем кто-либо другой. Вы часто задумываетесь о чем-нибудь — хорошо это или плохо? Но гораздо интереснее смотреть на вещи в плане роста и развития ребенка.

* * *

Рассказанные нам истории убеждают, что ревность склонна проходить, и я хочу рассмотреть, как это происходит. Что происходит, зависит от развития, которое у ребенка никогда не останавливается. Я думаю, вам нравится узнавать, что именно с ребенком происходит, просто как нечто интересное. Когда что-то идет не так (как это и должно быть время от времени), вы оказываетесь в невыгодном положении, если действуете вслепую. Если же вы знаете, что происходит, то вас будет меньше беспокоить критика и случайные замечания посторонних.

Я хочу поговорить о трех путях, по которым продолжающееся развитие может сводить ревность на нет. Первый путь таков. Ревность — то, что мы наблюдаем, когда ребенок находится в состоянии острого конфликта. Это могло бы быть просто тревогой, если бы ребенок не знал, чем она вызвана. Ревнующий ребенок реально испытывает любовь и ненависть одновременно, и это ужасное чувство. Давайте поразмышляем о ребенке. Сначала, возможно, ему даже приятно наблюдать, как нянчат и кормят нового малыша. Но постепенно проясняется, что это не ты сам, а кто-то другой, и любовь матери вызывает крайний гнев — гнев на младенца, на мать, вообще на все. Некоторое время ребенок знает только гнев. Какая-то его часть получает выражение. Ребенок кричит; возможно, пинается, или дерется, или устраивает беспорядок. В воображении все испорчено, сломано, уничтожено. И, конечно, именно тот факт, что мир, младенец, мать как-то переживают это, приводит к дальнейшему развитию. Новый шаг в развитии — признание ребенком этого факта выживания. Это просто еще один путь, по которому маленький ребенок приходит к различению фантазии и реальности. В его воображении мир уничтожен гневом, как атомной бомбой, но выживает, и материнское отношение не меняется. Значит, в воображении можно безопасно разрушать и ненавидеть. И с таким обнадеживающим открытием ребенок способен удовлетвориться совсем немногими криками, пинками и ударами, которые окажутся, несомненно, уместными.

Через несколько недель ревность оказывается сведенной к

чему-то иному, к переживанию продолжающейся любви — но любви, усложненной идеями разрушения. Для нас результатом является то, что мы видим ребенка, который иногда грустен. Грустно любить что-то или кого-то и воображать, как тому, что ты любишь, наносится вред.

Дальнейшее облегчение конфликта обусловлено тем, что в разрушительных фантазиях вещью, которой причиняют зло, может быть нечто, замещающее младенца или мать; это может быть кошка, собака или стул. Вместе с грустью приходит некоторая степень беспокойства о младенце или чем-то другом, что являлось объектом ревности. Но матери знают, что поначалу нельзя полагаться на заботу ребенка, потому что она слишком легко может обратиться в ревнивое нападение, и если нет никого рядом, случится неприятность.

Я хочу сказать, что активизируется жизнь в образах, и она уменьшает нужду ребенка в прямом действии. Это дает время и возможность для того, чтобы заложить начала чувства ответственности.

Второй путь, которым, как я думаю, ревность приходит к концу, ведет через растущую способность ребенка к впитыванию опыта удовлетворений и превращению его в часть своего Я. У ребенка усиливается накопление хороших воспоминаний, памяти о том, как за ним хорошо ухаживают; о приятных ощущениях; о том, как его купают; о крике или улыбке; о том, как хорошо находить вещи там, где они должны быть, даже лучше, чем когда они обнаруживаются там случайно. И, конечно, выстраивание воспоминаний об удовлетворении, следующем за оргиями возбуждения, особенно при еде.

Все эти представления могут быть суммированы и названы образом матери или матери и отца. Существует причина, по которой ревность у ребенка часто вообще не проявляется — потому что у него всего было достаточно, во всяком случае, достаточно, чтобы можно было поделиться.

Третий путь — нечто более сложное. Он имеет отношение к способности ребенка проживать переживания других. Мы, англичане, называем это «влезть в чужие ботинки». Но выражение звучит забавно, если другое лицо — младенец, которого кормят грудью, купают или он спит, лежа в кроватке. Однако становятся ли маленькие дети способны к этому? Некоторым требуется долгое время, даже годы, прежде чем они позволят себе не только встать на точку зрения другого, но и реально получить удовольствие от дополнительной порции жизни, проживаемой другим лицом. Легко увидеть, как дети — не только девочки, но и мальчики — идентифицируют себя с матерью. Они позволяют

матери быть матерью и играют, как будто находятся на ее месте, воображая себя помещенными внутрь ее положения. Вот фрагмент обсуждения, который это иллюстрирует.

МАМЫ:

— Миссис Г., как дела с новым ребенком в вашей семье?

— Ну, никто из них — из старших — не выказал ревности к новенькому. Но они ревнуют, оба, друг к другу — кому трогать младенца, ласкать или держать его.

— Род соперничества?

— Да, соперничества между ними. Скажем, я сижу с малышом на коленях, а девочка приходит поговорить с ним. Немедленно появляется брат, нападает и пытается оттолкнуть сестру локтем, прежде чем она успеет бросить на ребенка взгляд. Тут начинается перетягивание, так сказать, каната, кому он достанется.

— А что делаете вы?

— Ну, я заслоняю малыша рукой и смотрю, чтобы они отодвинулись на несколько дюймов и дали ему дышать.

— Это обычное происшествие?

— В общем, да… Начинают тащить ребенка: «Теперь моя очередь держать беби» — и так далее. Он слишком мал, чтобы оставлять его с ними, маленького клопа… В конце концов я заставляю обоих сесть, даю его первому, не выпуская из рук, и считаю до десяти: «Хорошо, теперь следующий». Хорошая идея, но она мало помогает.

Дональд Вудс Винникотт:

Вот другой пример, в котором, по-видимому, девочка отождествляет себя с младенцем-братом.

МАМЫ:

— Ревность сошла на нет, и все было тихо до тех пор, пока брату не исполнилось, наверное, год или около того… Он стал вставать, играть в манеже и так далее. И тут возникла куча неприятностей с игрушками. Я достала для него ее прежние игрушки, и, конечно, она узнала их. И тут же: «Это мое, мое, мое…» И началось — она хотела снова играть своими младенческими игрушками… И пришлось купить еще игрушек, которые были исключительно его, а то не было никакого покоя.

— А она не хотела играть его игрушками?

— Нет-нет, она бы ни за что к ним не притронулась. Но когда видела, что он берет ее игрушки (хоть она и не притрагивалась к ним года два), то снова хотела играть с ними. И это тоже затихло, более-менее благополучно… Теперь ему восемнадцать месяцев, и все начинается снова, потому что он не сидит на месте и хватает ее вещи.

— …Что-то вроде перетягивания каната?

— Да-да, в самом деле. Она подкладывает свои вещи — я ей всегда говорю: «Положи на стол, где он не достанет.» Но она положит их где-нибудь низко, и поворачивается спиной… А он подходит и начинает таскать их по всему дому, и тогда она приходит в ярость. Но на самом деле она очень терпелива с ним.

Дональд Вудс Винникотт:

Когда мы использовали этот фрагмент в нашей первой программе о ревности, я сказал: «У меня возникает чувство, что этой девочке на самом деле нравится, когда брат берет ее игрушки, хотя она и протестует.» И добавил: «Возможно, она воспринимает ситуацию и с его точки зрения, а не только со своей.» Способность к проживанию в воображении чужого опыта значительно обогащает, если только при этом не упускается из виду, что является переживаниями «Я» в строгом смысле. Это один из путей, которыми может начинаться игра, и в игре воображения нет пределов возможностям идентификации себя с людьми и вещами. Ребенок может быть пылесосом или лошадью; может быть королевой или принцем; или новым ребенком, кормящей матерью, отцом. Мы не можем дать ребенку способность играть, но оберегая, терпя, выжидая и делая все то, что вы делаете не думая, вы способствуете его развитию. Можно было бы сказать еще многое, но, возможно, этого достаточно для того, чтобы показать, что ревность исчезает с внутренним развитием ребенка, которое становится возможным благодаря последовательной нормальной заботе.

* * *

Я говорил о ревности как о здоровом, нормальном для маленьких детей явлении, которое означает, что они любят и уже значительно продвинулись в своем отходе от полной незрелости, с которой начинали. Я говорил также и об отдельных шагах в развитии, которые делают возможным прекращение ревности как таковой. Все время я хотел показать, что эти шаги в развитии младенца и маленького ребенка не могут быть сделаны без того, что можете обеспечить вы, то есть без жизненных взаимоотношений, в которых ребенок находит воплощенную надежность, зависящую от того, будете ли вы самим собой.

Кроме этого основного условия, которое вы обеспечиваете, существуют специфические моменты, и от них многое зависит. Например, вы помогаете ребенку предвидеть, что должно произойти. Когда вы знаете, что в его жизни должны совершиться

большие изменения, вы пытаетесь как-то предупредить его. Если вы хотите ввести новую пищу, вы даете попробовать, а затем оставляете его в покое. И вероятно, вскоре ребенок захочет новой еды, которая у вас уже наготове. Подобным же образом вы пытаетесь предупредить, когда ваша новая беременность очевидна и у вас нет сомнений, что скоро появится новый ребенок. Вы можете подумать, что будет легче, если использовать слова, объяснять, но я сомневаюсь в этом. Конечно, если ребенок уже понимает речь, вы объясните ему — в словах и историях, с помощью книг с картинками. Смешно было бы этого не делать. Но вот что важно — ваше отношение к беременности, оно имеет значение задолго до того, как может быть использована речь. Если, например, новая беременность для вас желанна и естественна, вы постепенно дадите понять вашему годовалому ребенку, что существует причина, по которой сидеть у вас на коленях стало как-то не так, как раньше. Ваш маленький мальчик или девочка почувствуют, что у вас там что-то важное. А если вы нелегко принимаете факт беременности и перемены, которые она приносит (а есть много таких людей), тогда здесь возникает некая тайна, и ребенок, жизнь которого должна вот-вот сильно измениться с рождением младенца, окажется никак не подготовленным, когда новое дитя действительно появится на свет. Несколько проще, когда ребенок, чьи интересы затрагиваются, немного старше. Послушайте вот это.

МАМЫ:

— Я очень беспокоилась, когда рожала Роджера. Понимаете, у меня были две девочки, четырнадцати и тринадцати лет, и мне хотелось иметь еще ребенка, пока это возможно… И я была совершенно сбита с толку, не зная, как быть… Вот я и обсудила это с девочками и спросила, как они отнесутся к тому, что у меня будет еще ребенок… Странная затея, не правда ли, до того, как вы зачали ребенка, обсуждать это с другими детьми, но я думала, это неплохая идея… И они были в восторге, представляли, как это прелестно, и как они будут рады новому беби. И мы решили, что это будет мальчик. А Сьюзен, моей младшей дочери, было тринадцать… Роды были несколько преждевременные, и я сказала акушерке, что роды начались, и не скажет ли она Сьюзен, что если та хочет прийти посмотреть на роды, то может это сделать. И она вбежала ко мне перед школой… А у меня были схватки, понимаете, и вот я сказала: «Ну, — сделав глубокий вдох и думая, что могу загубить ей всю жизнь. — Ну, вот это родовая боль, и так вот все и происходит». А она похлопала меня по спине и сказала: «Ну, я думаю, у тебя впереди еще несколько часов. Увидимся после школы»… И пошла. Теперь она сама должна

рожать через месяц, и я думаю, ей это чрезвычайно нравится. Хорошо подготовлена, надо думать.

Дональд Вудс Винникотт:

Этой девочке было тринадцать лет. Мама, конечно, говорила с ней, но я думаю, именно отношение матери к предстоящему имело значение. А как обстоит дело с меньшими детьми? Детям в один или два года еще далеко до того, чтобы понять, почему в этом году в феврале двадцать девять дней. Но в то же время они вполне способны, не так ли, в год или два, немножко вчувствоваться в положение матери младенца? Я говорю скорее о чувствах, чем о разуме ребенка. У большинства детей к годовалому возрасту есть некий совершенно особенный для них предмет, и они иногда, если можно так сказать, в грубом подобии, нянчат его, а вскоре уже несомненно играют в мать и ребенка.

Я сказал, что вы помогаете ребенку предвидеть. Вы делаете и другое; например, пытаетесь быть справедливой, а это очень трудно; вы можете только пытаться. И надеяться, что у вас нет явного любимчика, кроме, конечно, новорожденного ребенка, когда ему необходимо чувствовать, что он обладает вами целиком. Вы и отец ребенка разделяете ответственность по-разному. И когда ребенок недоволен матерью и ее новым занятием, он естественно обращается к отцу. Многие отцы хотели бы помочь, им не нравится столько времени проводить на работе, где от них нет никакой практической пользы.

И еще, в целом оказывается, что вы не отдаете предметов, драгоценных для других детей, новому ребенку, но позволяете каждому ребенку собирать свою собственную коллекцию и специализироваться. Так что, хотя в основном внутреннее развитие ребенка уже обеспечено тем, что он может полагаться на вас, существует еще много стрессовых моментов, требующих вашего отдельного внимания.

Конечно, вы, я полагаю, понимаете, что процесс развития связан с очень сильными эмоциями и что маленькие дети чувствуют не меньше нашего. Подозреваю, что они чувствуют больше. Мы, взрослые, считаем себя счастливыми, если нашли способ сохранить в себе что-то от детской интенсивности переживаний. Маленькие дети не только ощущают с чрезвычайной остротой, но их также нельзя отвлечь от той реальности, которая их беспокоит. У них еще не было времени создать личные способы защиты от слишком мучительных чувств, и именно поэтому они кричат. Именно поэтому так важно помочь ребенку предвидеть события, выходящие за рамки ординарного.

В период ожидания такого события происходит организация

защитных ресурсов внутри личности ребенка. Что-то вроде того, что вы видите на столе, когда дети играют в солдатики и развертывают армии для защиты или атаки на крепость. Мысль о том, что чувства маленьких детей очень интенсивны, а тревоги или конфликты так мучительны, что им приходится организовывать защиту внутри себя, приводит меня к последней теме, которой я хочу коснуться в этом разговоре о ревности. Это относится к ненормальной ревности. Часто случается, что нечто складывается неправильно. Либо ревность не прекращается и продолжается открыто, или она прячется, так сказать, под прилавок и искажает личность ребенка.

В воспитании детей нет никакого смысла стремиться к совершенству. Многое, что сложилось неправильно, залечится со временем; по крайней мере, настолько, что будет незаметным. Но кое-что не срастается. Когда я сказал и повторил несколько раз, что ревность — нормальное и здоровое явление, речь шла о маленьких детях. По мере роста и развития личности почти к каждому мальчику или девочке приходит способность переносить чувства ревности, относиться к ним спокойно и использовать как побуждение к действию. Если у вашей подруги есть что-то лучшее, чем у вас, вы можете довольно спокойно выждать. Возможно, вы наверстаете упущенное позже или же сможете радоваться, что купили вместо этого что-то другое. Вы взвешиваете. Я думаю, у вас есть много такого, чему завидуют другие люди. Все это неотъемлемо от жизни и людей, живущих вместе.

Вы выросли и способны довольно легко справляться со всем этим, но начинали вы, так же, как и я, с совсем слабой способностью ждать своего времени. Но мы должны признать, что у некоторых людей наличествует стойкое искажение личности. Может быть, у вас есть сосед с ревнивым характером. Такие люди ухитряются, обычно не зная, что делают, провоцировать свое непосредственное окружение именно к таким действиям, которые возбуждают у них ревность. Эти люди несчастливы, с ними неприятно жить, и я бы не сказал, что это здоровая ревность.

В обсуждениях принимала участие одна мама, которая особенно откровенно говорила о себе и о том, каким образом продолжается ее ревность к брату.

МАМА:

— Ну, я была единственным ребенком… Когда мне было три, мама преподнесла мне братца. Мне это не казалось очень забавным. Я ревновала, как школьница, я кусала его, да… Он никогда не узнал, что я это делала, и я никогда не признавалась в этом… Но даже теперь — мне двадцать девять, ему двадцать

шесть — мама может сказать: «Знаешь что, я купила Уильяму то-то и то-то.» И я отвечу: «Да, правда?» Понимаете? Вроде как «мне все равно.» Она скажет: «Ну, хорошо, хорошо, что тебе купить?» И расскажет мне точно, сколько она заплатила за подарок для Уильяма и проследит за тем, чтобы я получила ровно за столько же. Она купила ему кольцо с печаткой… Я знаю, это глупо, это подло, я хочу сказать, я замужем, а он не женат, но если она покупает ему кольцо, я тут же приду и скажу: «Он что, сам не мог себе купить?» Понимаете? И на прошлой неделе я получила свое кольцо со знаком зодиака.

Дональд Вудс Винникотт:

Мы можем быть уверены, что у людей с действительно ревнивым характером когда-то, в ранние годы, была веская причина для ревности. Беда в том, что у них не было честной возможности для проявления гнева, ревности и агрессии в то время, когда это было разумно и могло контролироваться. Если бы у них был такой шанс, то они, вероятно, прошли бы через фазу ревности и вышли бы из нее, как большинство детей. Вместо этого ревность сразу ушла внутрь, и истинная ее причина была утеряна, поэтому теперь для ревности выдвигаются ложные поводы и заявляется, что они вполне соответствуют действительности. Чтобы избежать такого искажения, нужно обеспечить маленьким детям такую опеку, которая позволила бы им быть ревнивыми, когда это оправдано. Я полагаю, что в норме ревность переходит в соперничество и честолюбие.

[1960]

Что раздражает?

Дональд Вудс Винникотт:

Есть люди, которые испытывают своего рода шок, когда обнаруживают, что могут испытывать к маленьким детям какие-то иные чувства, помимо любви. Если вы послушаете нижеследующий разговор, то обнаружите, что эти мамы вполне уверены в своей любви. Для них это нечто само собой разумеющееся, но они не стесняются говорить о темных сторонах семейной жизни. Их прямо попросили поговорить о том, что наиболее для них тягостно, и они, по-видимому, не испытывали затруднений в ответе на поставленный вопрос. Вот начало.

МАМЫ:

— Итак, я попросил вас прийти сегодня сюда рассказать о том, что бывает особенно неприятным для вас как матерей. Миссис В., прежде всего, сколько у Вас детей?

— У меня семеро детей, от двадцати до трех лет.

— Находите ли Вы, что быть матерью на самом деле довольно надоедливая работа?

— Ну, думаю, в общем да, если быть вполне честной. Я думаю, главную трудность в семье представляют досадные мелочи, вроде постоянной неприбранности или тщетных попыток уложить их всех в кровать — это, я считаю, раздражает.

— Миссис А.?

— У меня только двое детей — один уже ходит, а другой совсем малыш, и, конечно, раздражает меня старший. Как у миссис В., это все мелочи… А еще недостаток времени, чтобы справиться с детьми — все время спешка. А мой сын всегда находит себе какое-то занятие, как раз когда у нас есть ровно две секунды, чтобы собраться и выйти из дому.

— Миссис С.?

— Да. У меня две девочки, одной три, а другой всего год, и я думаю, что согласна с предыдущими: время — это большая проблема, его никогда не бывает достаточно для того, чтобы сделать все, что хотелось бы.

— Вы имеете в виду, что существует нечто помимо ухода за детьми, чем Вам хотелось бы заняться, но Вы не можете? Что-то для себя?

— Ну, наверное, да. Я очень люблю заниматься детьми и, в целом, это очень благодарное занятие, но очень суматошное. Это особенно тяжело, когда я устала. Я пытаюсь сделать так, чтобы этого не было, но это не очень-то просто…

— А что, как Вы думаете, вызывает у матери усталость? То,

что нужно сделать слишком много дел за ограниченное время, или какого-то рода борьба с ситуацией?

— Нет, я думаю, слишком много дел за ограниченное время. В шесть часов, скажем, одному пора будет в кровать, а нужно попить чаю с детьми, вымыть чайную посуду, другого ребенка надо кормить, и еще приготовить ужин для мужа — и все сделать примерно за час. *(Смех).*

Дональд Вудс Винникотт:

Ну вот, хорошее начало. Когда у вас несколько детей, дом не может выглядеть прибранным, да и невозможно поддерживать порядок в собственной голове. Все время суета, потому что вам нужно следить за часами, и так далее. А дети — по крайней мере те, что поменьше — не достигли возраста, когда становится интересно помогать взрослым и копировать их. Мир создан для них, и дети ведут себя в соответствии с этим предположением. Далее, проблема усталости, которую всегда следует иметь в виду. Когда вы устали, обычно интересные вещи могут стать тягостными, а если вы не выспались, то приходится еще бороться со сном. И вас не хватает на то, чтобы получать удовольствие от всего интересного, что делают дети и от того, как они день за днем развиваются.

Вы заметили, что на этот раз я говорю больше о мамах и их чувствах, чем о детях, за которыми они присматривают. Слишком легко идеализировать положение матери. Мы отлично знаем, что в каждой работе свои разочарования, рутина и иногда она кажется последним делом, которым кто-то захотел бы заниматься. Ну, а почему нужно думать по-другому об уходе за детьми? Я думаю, через несколько лет эти мамы уже не будут отчетливо помнить, что они чувствовали, и им будет очень интересно послушать эту запись, когда они достигнут тихой гавани — станут бабушками.

МАМЫ:

— … И все сделать примерно за час.

— Каждый вечер, от половины шестого до полвосьмого у нас полный хаос… Просто не верится, что это может кончиться… Все должно происходить в положенное время, но никогда не происходит, потому что случается еще что-нибудь ужасное — кто-то проливает свое молоко, или что похуже… или даже — кот залез к кому-то в кровать, и они не могут лечь спать, потому что там кот… или его там нет… они спускаются вниз по шесть раз, чтобы посмотреть, что я делаю, в общем, полный хаос. *(Смех).*

Дональд Вудс Винникотт:

Мне понравилась эта фраза про кота, который то ли там, то ли его нет! Вопрос не в том, делаете ли вы что-то правильно или

неправильно. Неправильно — это именно то, как идут дела в данный момент, поэтому кажется, что наоборот было бы правильно. Конечно же, не было бы. А может быть, вы не замечаете того, что идет как надо. Но все, что хоть чуть-чуть не так, становится ужасным происшествием, вызывающим плач и вопли.

В следующем фрагменте мама говорит об ощущении, которое, должно быть, весьма обычно — что какие-то искусства, которыми владеет мать, покрываются ржавчиной, не находя себе применения; или она с удовольствием училась бы чему-то, но это приходится отложить на неопределенный срок.

МАМЫ:

— Есть ли у Вас что-то, чем Вам хотелось бы заниматься для себя, ну, например, написать роман или испечь какой-нибудь особенный пирог, или что-то другое, что Вы не можете делать из-за детей?

— Ну, меня, например, очень интересует социальная работа и вообще что-то подобное. Мне хотелось бы заниматься тем, что, как мне говорили, я могу делать… И мне предлагали такую работу, а я не могла, потому что нет времени… Мне очень обидно, что я не могу всем этим заниматься, потому что должна сидеть дома.

— Да, я занималась на курсах кройки и шитья в прошлом году и мне это чрезвычайно нравилось. Но когда появился второй ребенок, я поняла, что просто не могу закончить все вовремя, и в восемь часов я думала: «Нет, хоть убейте, сегодня вечером я никуда из дома не выйду.»

— Есть вещи, которыми Вам хотелось бы заняться?

— Да, я очень люблю шить, но это очень нервная работа, когда дети… *(Смех)*…Мне действительно это нравится, но я настолько бываю поглощена работой, что забываю про время, и тогда может случиться что-то ужасное. Я вообще плохо слежу за временем. Я слишком люблю забывать про него.

— Меня ужасно раздражает то, что утром мне приходится бросать все, чем я занимаюсь, и готовить обед… Я сама прекрасно бы обошлась чем-нибудь вроде крутого яйца, но… К тому же у меня есть муж, поэтому нужно… *(Говорят одновременно).*

Дональд Вудс Винникотт:

Тут, вдобавок к детям, на сцене появляются мужья со своими ожиданиями, и начисто уничтожают все усилия жены — матери — выкроить время для самой себя, для занятий, которые требуют сосредоточенности. Именно здесь жена может вдруг открыть, что желала бы жить, как мужчины — с хорошей опрятной работой, определенным рабочим временем или профсоюзными правилами,

которые как раз защищают их от всего того, что для нее тягостно. Я думаю, в это время она не способна понять, как это некоторые мужчины могут завидовать женщинам — потому что те сидят дома, заваленные домашней работой, в великолепной кутерьме, создаваемой кучей детей. Здесь мы возвращаемся к беспорядку и неприбранности.

МАМЫ:

— Я думаю, неприбранность — кошмарная проблема… Хотя у меня есть прислуга, все равно… Пусть я прошлась по всему дому и все привела в порядок, через двадцать пять минут вы подумали бы, что я не притрагивалась ни к чему уже года два или три… Повсюду валяются игрушки, которые им нужны, и кусочки бумаги, которые им нужно изрезать. Не следует на это жаловаться — они дожны, конечно, это делать. Но иногда очень хочется устроить скандал, а вместо этого приходится им позволять.

— Когда мои были еще маленькими, лет до четырех, оказалось, что им обязательно нужно было быть там же, где и я. Если я была на кухне и готовила, то они тоже были на кухне и готовили. Если я что-то делала наверху, то они тоже были наверху. Они не отходили от меня, все время крутились вокруг, и это, я считаю, временами жутко раздражает.

Дональд Вудс Винникотт:

А как насчет того, чтобы удерживать беспорядок в каком-то одном месте?

МАМЫ:

— Как Вы считаете, проще позволить им бродить по всему дому, или попытаться их ограничить собственным помещением?

— Нет, у меня есть одна комната, в которой, как я молюсь и надеюсь, они не устроят кавардак… Но они неизбежно устраивают кавардак в каждой комнате — они пролезут повсюду.

— А как Вы думаете, возможно как-то ограничить их?

— Ну, я не знаю, может быть, мне повезло, но Кристофер, кажется, понимает, что ему полагается играть в детской.

— Сколько ему?

— Два года — чуть больше.

— Он может видеть вас из детской?

— Нет-нет, она далеко от кухни, но у нас такая квартира, все на одном этаже, поэтому он может просто прийти ко мне, и заодно поиграть в кухне. Конечно, многие считают, что это неправильно. Я не подумала о том, чтобы поставить загородку, пока не стало слишком поздно. В гостиной и столовой у нас старомодные дверные ручки, и ему непросто открыть дверь, поэтому эти комнаты пока в порядке.

Дональд Вудс Винникотт:

Тут ничего не поделаешь; нужно смириться с тем, что маме с маленькими детьми, скорее всего, придется жить в конюшне. В настоящее время им неизвестно, как с этим бороться. Может быть, когда дети подрастут, опять воцарятся спокойствие и порядок, а может быть, и нет.

МАМЫ:

— У нас каждый вечер происходит одно и то же грандиозное сражение по поводу собачьего ужина: кто будет кормить собак. Есть расписание, вы понимаете, но всегда находится причина, почему именно тот, чья сегодня очередь, именно сегодня не будет кормить собак. *(Смех)* И проходит минут двадцать пять, а собаки выстроились и ждут, когда же им дадут хоть что-то… Из-за этого ужасного спора, который — я сейчас вдруг почувствовала, как это тягостно — типичен для больших семей. Не только о собачьем ужине. Вы садитесь за стол, и кто-нибудь что-нибудь скажет, и прежде чем вы поймете, что происходит, уже каждый пытается перекричать всех остальных, потому что тут дело принципа… Вы понимаете — и такие споры возникают у нас по любому поводу.

Дональд Вудс Винникотт:

Все эти примеры показывают, как по многим причинам забота о маленьких детях может становиться обузой, вне зависимости от того, насколько дети любимы и желанны. Одной из проблем является незащищенность матери от вторжения в ее частный мир. Должна же быть какая-то ее часть, святая святых, куда не может иметь доступа даже ее ребенок? Должна она защищать себя или сдаться? Ужасно то, что если у нее что-то где-то спрятано, то как раз этого ребенку хочется больше всего. Если есть секрет, то именно секрет должен быть отыскан и вывернут наизнанку. Ее сумочка все знает об этом. На следующей неделе мне хотелось бы рассмотреть подробнее эту особенность положения матери.

* * *

В конце прошлой недели, после того, как эти женщины поговорили о том, что тягостно для матери, я особо выделил один вопрос: как личная жизнь матери подвергается вторжению и выворачивается наизнанку. Я хочу развить эту мысль, так как она имеет самое прямое отношение к тому, что может быть тягостным для родителей, и особенно для матери.

Вы, конечно, вспомните, что это — матери, которым нравится замужество и нравится иметь детей, и что они с нежностью относятся к своим детям, и по-другому для них быть не может. Однако когда их прямо попросили поговорить о том, что является

для них источником досады, они сделали это с удовольствием.

Найдутся и такие, у кого нет опыта подобных переживаний. Некоторым, с одной стороны, пришлось тяжелее, они оказались совершенно сбиты с толку, запутаны и нуждаются в помощи. Здесь победила неразбериха, и мать стала болезненно чувствительной. Так или иначе, но она уже не способна быть тем, чем ей хотелось бы быть. У некоторых, с другой стороны, не возникало ощущений беспорядка и вторжения. Им удалось сохранить гостиную в аккуратности и чистоте, каким-то образом их младенцы и маленькие дети вписались в установленный распорядок и большую часть времени царило спокойствие. Здесь возобладала мать и ее весьма жесткая система «хорошо» и «плохо», а детям пришлось приспособиться, готовы они к тому или нет. Конечно, многое могло бы быть сказано в пользу спокойствия и порядка, если бы его можно было достичь без чрезмерной задержки в развитии спонтанности ребенка.

Мы все время должны помнить, что бывают самые разные родители и самые разные дети и, исходя из этого, мы можем обсуждать различные вариации, не оценивая одни как хорошие, а другие как плохие. Но не кажется ли вам, что крайности, в ту или другую сторону, обычно являются знаком того, что где-то что-то не так?

Часто родители говорят, что в викторианские дни все было намного проще, ребенка отсылали в детскую и никто не думал, поступив так или иначе, что он укрепляет или подрывает его душевное здоровье. Но даже в викторианскую эпоху огромное большинство людей растили детей, ползающих на полу у них под ногами, создающих повсюду шум и беспорядок, и без помощи нянек в накрахмаленных передниках. У каждого века свои обычаи, но я думаю, что-то оставалось неизменным, а именно эта ужасная склонность маленьких детей залезать в самую середину тех мест, где матери держат свои секреты. Вопрос в том, может ли мать успешно защитить себя и сохранить свои секреты, не лишив в то же время ребенка существенного элемента — чувства, что мать доступна? Сначала ребенок полностью владел ею, а на полпути между обладанием и независимостью обязательно должно быть место для доступности.

Сторонний наблюдатель может легко заметить, что только на некоторое время мать совершенно открыта для своих детей. У нее были свои секреты и они снова у нее будут. И когда-нибудь она будет считать себя счастливой оттого, что было время, когда ей бесконечно досаждали беспредельные притязания собственных детей.

Для матери же, которая находится внутри этой ситуации, нет

ни прошлого, ни будущего. Для нее есть только настоящее, с ощущением, что не осталось ни одного неисследованного места; нет ни Северного, ни Южного полюса, потому что какой-то бесстрашный исследователь нашел и подогревает их; никакого Эвереста, потому что какой-то альпинист достиг вершины и разрушает ее. Дно океана исследуется батискафами, а если у нее и была одна загадка, обратная сторона Луны, то и ее достигли, сфотографировали и низвели с положения тайны до научно установленного факта. Нет ничего святого.

Кто захотел бы быть матерью? Кто же, как не действительная мать ребенка! И некоторые особые люди — это няни, которые находят способ занять место рядом с настоящими родителями.

Вы можете спросить, какой смысл пытаться выразить словами, что тягостно в положении матери? Я думаю, матерям легче, если они могут высказать вслух, что их мучает, в тот момент, когда они испытывают муки. Закупоренное чувство обиды наносит вред любви, которая стоит за всем этим. Я думаю, именно поэтому мы ругаемся. Слово в нужный момент собирает вместе все негодование и делает его достоянием гласности, после чего мы успокаиваемся, чтобы в течение какого-то периода продолжать свои дела. На практике я обнаружил, что матерям помогает, если привести их в соприкосновение с их самыми горькими обидами. Между прочим, большинству из них помощь не требуется, но в расчете на тех, кому она действительно нужна, я однажды написал перечень из примерно дюжины причин, почему мать может обнаружить, что ненавидит своего ребенка. Вы понимаете, конечно, что я говорю о матерях, которые любят своих детей и которые не боятся рассматривать другие свои чувства. Например, вот этот ребенок — вовсе не тот, которого мать себе представляла; не совсем та идея, которая существовала у нее в уме. В каком-то смысле, этот образ с большим правом может считаться ее порождением, чем сам ребенок, ставший таким реальным в ее жизни. Реальный ребенок появился, конечно, не с помощью магии. Настоящий мальчик или девочка получился в результате трудного процесса, в котором мать подвергалась опасности, как во время беременности, так и при родах. Этот ее настоящий ребенок в грудном возрасте делает ей больно, хотя процесс кормления и может быть приятен. Постепенно мать обнаруживает, что ребенок обходится с ней как с бесплатной прислугой, требует внимания к себе и поначалу его вовсе не заботит ее благополучие. Со временем он начинает кусать ее, и это все из-за любви. Предполагается, что вначале мать любит ребенка всем сердцем, всего целиком, и гадкие, и приятные его стороны, и грязь впридачу. Но вскоре ребенок

начинает терять свои иллюзии относительно матери и демонстрирует это, отказываясь от предложенной хорошей пищи, так что мать начинает сомневаться, все ли у нее в порядке. А его возбужденная любовь корыстна, и после полученного удовлетворения мать отбрасывают прочь, как шкурку от апельсина. Нужно ли продолжать это перечисление причин, по которым мать могла бы ненавидеть младенца?

В первые месяцы жизни у ребенка нет никакого понятия о том, что мать делает хорошо, и чем жертвует, чтобы делать это хорошо. Но если что-то не так, возникают жалобы в форме воплей. После целого утра криков и демонстраций характера мать выходит с младенцем за покупками, и младенец улыбается постороннему, который говорит: «Ну, разве он не прелесть!» или «Какое милое, чудесное создание!» Мать отдает себе отчет, что если она не оправдает ожиданий ребенка вначале, то очень долго будет за это расплачиваться, а если оправдает, то нет никаких оснований надеяться на благодарность. Вы можете сами найти еще дюжину причин. Вероятно, вы не придумаете ничего хуже той, которую я выбрал для обсуждения, — что ребенок вторгается в ваши самые сокровенные области. Если возможно, я хотел бы пояснить это для вас.

В самом начале, когда ребенок — в вас и часть вас, нет трудностей. Ребенок в матке, хотя он, так сказать, только постоялец, сливается с любыми представлениями, которые у вас когда-либо бывали о детях, и на самом деле представляет собой загадку. Загадка становится ребенком.

За девять месяцев у вас была масса времени, чтобы развить особое отношение к этому феномену, секрету, ставшему ребенком, и через несколько месяцев беременности вы становитесь способной идентифицировать себя с ребенком, который в вас. Чтобы достичь этого состояния, необходимо спокойное состояние ума, и здесь неоценимую помощь может оказать ваш муж, если он заодно с вами и улаживает дела с внешним миром за вас обоих.

Мне кажется, что это особое отношение хотя и заканчивается, но не в момент рождения ребенка. Я думаю, такое специфическое положение длится несколько недель после рождения, если только не помешают неудачные обстоятельства, низводящие вас на землю, вроде необходимости покинуть родильное отделение, увольнения неподходящей няни, или болезни вашего мужа, или чего-то еще.

Если вам повезет и никаких неприятных осложнений не будет, это особое состояние будет изживаться постепенно. Затем для вас начнется процесс восстановления себя как взрослой

личности, на который уйдет несколько месяцев. Вашему ребенку необходимо, чтобы вы сумели сделать это, хотя процесс и причиняет ему боль. И вот тут начинается грандиозная борьба — ребенок, сам больше не являясь секретом, делает заявку на все ваши секреты. Хотя он и ведет проигранное сражение, ставит один заявочный столб за другим в нескончаемой золотой лихорадке, но золота никогда не бывает достаточно. Нужно выставлять новую заявку. И в любом случае вы восстанавливаете свой статус независимой индивидуальности, что делает ваши золотые жилы все более и более недоступными.

Однако вы восстанавливаетесь не вполне. Если бы это произошло, вы перестали бы быть родителем. И конечно, если у вас несколько детей, тот же процесс начинается снова и снова, и вот вам уже сорок пять, прежде чем вы успеете оглянуться и сообразить, где же вы находитесь.

Я затронул очень большую проблему, и у меня осталось время, чтобы сказать еще только одно. После бесчисленных разговоров с мамами и наблюдениями за ростом их детей я убежден, что наиболее удачливые матери — это те, кто сдался с самого начала. Они потеряли все. Они выиграли только то, что с течением времени могут возвращать утерянное, потому что их дети постепенно отказываются от непрерывного выставления новых притязаний и радуются, если мать является личностью в своих правах, какими они и сами быстро становятся.

Вы, возможно, знаете, что дети, лишенные существенных элементов семейной жизни (на самом деле, именно того, о чем мы все время говорим), склонны к постоянному чувству обиды. Они носят в себе недовольство чем-то, но поскольку не знают, что это такое, тяжесть приходится принять на себя обществу, и тогда этих детей называют антисоциальными.

Так что я смотрю с оптимизмом на этих мам, описывающих битву, которую они ведут на стороне времени против вторгающихся орд собственных детей. В конце битвы поле усеяно не трупами, но детьми-индивидами — не ограниченными, не трудными, не преступниками. Эти дети — подростки, каждый из которых умеет отстаивать свои права. И когда ваши дети существуют в своих собственных правах, вы можете позволить себе то же самое. Вы можете позволить себе быть собой, со своими секретами, что возвращает вас (хотя и с некоторым смещением) туда, где вы были, прежде чем подверглись вторжению своих детей.

* * *

На прошлой неделе говорил только я. Я избрал один аспект материнских проблем, потому что, как я думал, он может оказаться важным. Я не забыл о том, что мама маленького ребенка обычно устает и часто не высыпается, но решил поговорить об утрате личного мира. На этой неделе мне хотелось бы вернуться к обсуждению. В предлагаемой выдержке вы услышите беседу о борьбе, происходящей в семье между детьми, которую можно назвать междоусобными распрями, и ее воздействии на нервы матери.

МАМЫ:

— Я считаю, они слишком много ссорятся. И действительно не понимаю почему. Можно подумать, это злейшие враги, а не любящие братья и сестры — они дерутся и кричат… Но они, думаю, тем не менее очень любят друг друга. Если приходит чужак, они собираются и стоят друг за друга, или, если кто-то заболел, то они в лепешку разобьются, чтобы достать для больного какую-нибудь мелочь… Но они ссорятся с утра до ночи. Можете представить, как это действует на нервы, когда входишь и слышишь: «Ты это сделал…» — «Нет, я не делал…» — «Нет, это ты…» — «Нет, буду…» — «Нет, не буду…» — «Нет, будешь…» — «Я тебя ненавижу». Двери хлопают, они начинают лупить друг друга, а я бросаюсь их растаскивать. Это кошмарные ссоры.

— Я думаю, это способ разрядить энергию — нервную и прочую.

— Да, конечно, но уж очень раздражает.

— Ужасно действует матери на нервы. Да, я могу припомнить, как это происходит. В детстве мы бранились с моей младшей сестрой… и я доводила свою мать.

— Это просто выматывает. Ничего особенно серьезного. Ну, если произойдет что-то серьезное, я думаю, всегда можно с этим справиться, потому что такие вещи необычны… Это кризис, который… *(Говорят одновременно)*…А это маленькие, постоянные, повседневные мелочи, как капли на камень, не правда ли — кап, кап, кап…

Дональд Вудс Винникотт:

Да, кап, кап, кап! А с какой целью? Вы знаете, цель здесь есть. На прошлой неделе я высказал свое мнение, что каждый ребенок включается в состязание и предъявляет права на все, что есть у матери. Теперь я хочу добавить, что все, что дети при этом находят, они используют, и используют до конца. Никакой пощады, никакого милосердия, никаких полумер. Мать используется хищнически. Ее источник энергии найден и открыт, и иссушается с докучливой регулярностью. Ее главное дело — выживание. Надоедливое повторение фигурирует в следующем

отрывке.

МАМЫ:

— У нас читаются сказки на ночь, и я лично нахожу, что это очень раздражает. Я должна непременно, каждую ночь, их рассказывать… А если мы куда-нибудь собираемся, конечно, они чувствуют это, правда — дети…

— О, да, они чувствуют.

— Ты не можешь сократить, даже не можешь сказать… обычно достаточно сказать… Это нужно проделывать каждый вечер, больна ты, здорова или умираешь… кошмарные две истории должны быть прочитаны, и я безусловно считаю, что иногда… *(Говорят одновременно).*

— Да, взяла бы и разорвала эту книжку в клочки.

Дональд Вудс Винникотт:

«…В клочки.» Наверное, найдется немало слушателей, которые рады будут хоть раз услышать эти слова произнесенными вслух. И все же истории будут повторяться и повторяться в точности, и детям все так же будет нужна эта ограниченная территория, известная им в деталях и не таящая никаких неожиданностей. Именно эта уверенность, что не будет никаких сюрпризов, дает успокоение и подготавливает дорогу для незаметного перехода ко сну.

Следующая цитата относится к огорчительным периодам, когда ребенок, до того хорошо развивавшийся, по той или иной причине поворачивает вспять, становится неотзывчивым или откровенно неповинующимся. Здесь маленькая девочка проявляет свою ревность к младенцу тем, что теряет свои достижения и сама начинает вести себя, как младенец.

МАМЫ:

— Моя старшая дочь могла уже одеваться сама — о, девять месяцев — и вдруг решила, что не будет больше этого делать. Она прекрасно умеет. Она не может справиться с застежками и пуговицами на спине, но может сделать все остальное… А она говорит «нет»… она будет как маленькая, и растягивается у меня на коленях, как и меньшая… И вот, мне нужно теперь утром одевать и на ночь раздевать их обеих.

— Да, могу себе представить, что это такое, когда они одеваются сами. Я пока с этим не сталкивалась, мой еще слишком мал и не может этого делать, но я чувствую, как это будет меня раздражать — смотреть, как он медленно напяливает на себя все наоборот… *(Говорят одновременно)*…Потому что я не могу — я люблю все делать быстро.

Дональд Вудс Винникотт:

Вот еще одна вещь, которая может раздражать — адаптация к

ритму каждого ребенка. По темпераменту одни дети медлительнее своих матерей, другие быстрее. Для матери большая проблема — приспособиться к требованиям каждого ребенка в отношении этой быстроты или медлительности. Особенно тяжела задача подвижной матери, которой нужно приспособить себя к сильно замедленному ребенку. К тому же, если мать и ребенок выпадают из связи временных ритмов, ребенок теряет способность к действию, становится бестолковым и все больше и больше дел оставляет матери или няньке. Как легко можно понять, для ребенка точно так же плохо, если он быстр, а мать медлительна. Мать медлительна, возможно, из-за подавленного настроения, но ребенок ничего не хочет знать о причинах, и не делает на них никаких скидок. Несомненно, что-то можно компенсировать планированием, но дети имеют тенденцию разрушать самые лучшие планы, просто потому, что не видят никакой нужды в загадывании наперед. Они живут настоящим. В следующем отрывке мы слышим о планировании.

МАМЫ:

— Ну, часть этой нехватки времени из-за того, что нужно все организовать перед тем как выйти из дому — спланировать день, чтобы уложиться между кормлением в два и в шесть. Главная трудность, конечно, покупки, так как я езжу на рынок в четырех милях от меня, там все очень дешево… И это целое представление — собрать обоих детей; одного покормить из бутылочки, другого с ложечки, обоих одеть — а один еще должен поспать, так что получается еще позже… А потом мечешься как угорелая, пытаясь поспеть назад, чтобы снова вовремя покормить того, что из бутылочки. Ну, и другое тоже, например, если идешь к кому-нибудь на чай… Сегодня тоже надо было все организовать. Чтобы нам всем троим собраться, нужно около часа.

— Это страшное дело.

— К тому времени, как сама соберешься, двое других уже, понимаете…

— Ну да, двое других, похоже, уже несколько запачкались.

— Дело в планировании — все время пытаешься правильно выбрать время для выхода.

— Маленькие примеры вроде этого, вероятно, неприятнее всего — да, я думаю, это больше всего раздражает.

— В конце концов, я хочу сказать, я люблю двух своих детей. Я не считаю, что они раздражают меня все время, только вот эти мелочи.

— Иногда мне немного надоедает, что все время приходится заботиться о еде — что им приготовить — что им всем приготовить.

— А вы планируете это надолго вперед?

— Нет, нет. Я не такой человек. Что-то вроде — вы знаете — когда подходит время еды… *(Смех)*…что-нибудь материализуется… Уверяю вас, я хожу в магазин — раз в неделю, так что в доме у меня еды на неделю, но когда и как это использовать, решается в последний момент.

— Ну, мне удивительно повезло с ленчем, потому что Кристофер больше всего любит фарш. Я уже по горло сыта этим фаршем. *(Смех)*.

— Иногда у них очень ограниченные вкусы, не правда ли? Это упрощает дело…

— Да, сильно упрощает.

Дональд Вудс Винникотт:

Блеснул лучик надежды. Мать планирует, она пытается организовать все насколько возможно, но все равно ей не под силу согласовать нужды каждого ребенка и недостаток времени, расстояние от дома до магазина и ограниченность собственных сил. В конце концов мы возвращаемся к картине, когда она в одно и то же время пытается примирить индивидуальные требования детей и известного ей внешнего мира.

МАМЫ:

— …Но еще страшно досаждает, что все время приходится прерывать работу по дому — с пылесосом или что-то еще… Я знаю, что могла бы закончить все в комнате за десять минут, если бы мне их дали… Но когда кто-нибудь подходит сзади: «Я хочу на горшок»… Он сидит на горшке, а ты должна быть рядом — и…

— Да, вы не можете отойти и заниматься чем-то другим.

— А он делает из этого игру. *(Смех)*.

— И тут что-нибудь перекипает на плите, а вы оставили пылесос включенным… Вы думали, это на минуту…

— Да, меня эти постоянные помехи очень раздражают — откуда-то вдруг раздается крик, и приходится бросать все на кухне — руки в муке и все такое — и бежать, чтобы выяснить, что случилось.

— Ну, когда у меня руки в муке, я говорю: «Слушай, не хочешь же ты, чтобы я что-то делала такими руками?»

— И это срабатывает?

— Да: «Подожди». Боюсь, я часто так делаю… И еще когда мы… когда обнаруживаются досадные вещи вроде: «Мамочка, мы забыли то-то и то-то»… Элизабет говорит, знаете, мы куда-нибудь идем, и она хотела взять куклу или корзинку… Я говорю: «Ну, смотри, можно будет взять в следующий раз». Это просто как во сне.

Дональд Вудс Винникотт:

Всему есть предел, и все время, пока ребенок растет, все яснее и яснее обозначается предел требованиям, которые он имеет право предъявить матери. И кто установит этот предел? Мать обнаруживает, что в какой-то мере она постепенно оказывается в состоянии защитить себя.

МАМЫ:

— Многое зависит еще от того, как вы провели ночь. *(Смех).*

— Это была кошмарная ночь, и в тот день я, пожалуй, вела себя с ним жестоко, а если бы он только начал ко мне приставать, я, наверное, просто взорвалась бы.

— А не стало от этого хуже?

— Нет, я думаю, он чувствует, что я действительно дошла до точки и лучше ему вести себя тихо… И он был на удивление тих.

Дональд Вудс Винникотт:

Но я полагаю, что в конце концов отец должен прийти и защитить свою жену. У него тоже есть свои права. Он не только хочет видеть свою жену восстановленной в своем независимом существовании, но еще хочет иметь возможность владеть ею самому, даже если это будет иногда предполагать отстранение детей. Поэтому, конечно, отец занимает твердую позицию, что возвращает меня к моему прежнему разговору о слове «нет». В одной из предыдущих передач я предположил, что именно когда отец занимает твердую позицию, он становится значимым для маленького ребенка, если только он заслужил право на жесткую линию тем, что поддерживал дружественную позицию.

Забота о маленьких детях может быть действительно тягостной, но альтернатива, регламентация ребенка — самая кошмарная из идей, которые могут прийти в голову матери. Поэтому, я думаю, дети так и будут оставаться источником досады, а матери будут рады, что у них есть возможность быть жертвами.

[1960]

Безопасность

Всегда, когда предпринимается попытка сформулировать основные потребности ребенка, мы слышим слова: «Детям необходима безопасность.» Временами нам кажется это разумным, но иногда закрадываются сомнения. Можно спросить, а что означает слово *безопасность*? Конечно же, родители, оберегающие детей сверх всякой меры, причиняют им страдание, точно так же, как родители, на которых нельзя положиться, приводят своих детей к запутанности и страху. Значит, по-видимому, родители могут обеспечивать чрезмерную безопасность, но, с другой стороны, мы знаем, что дети очень в ней нуждаются. Как в этом разобраться?

Родители, которым удается сохранять целостность семьи, на самом деле дают своим детям что-то чрезвычайно важное, и, естественно, когда семья разваливается, это сказывается на детях. Но если нам говорят только, что детям нужна безопасность, вы почувствуете, что в этом утверждении чего-то не хватает. Дети находят в безопасности, в защите нечто вроде вызова и стремятся показать, что они могут вырваться. Доведенная до крайности идея «защита — это хорошо» означала бы, что самым удачным местом для роста является тюрьма. Это было бы абсурдом. Конечно, свобода духа везде возможна, даже в тюрьме. Поэт Лавлейс написал:

> Стенам из камня не создать тюрьмы
> И прутьям из железа — клетки,

подразумевая, что и то, и другое — не просто крепкие запоры. Но люди должны жить свободно, чтобы жило воображение. Свобода есть существенный элемент, она раскрывает лучшее в людях. Тем не менее нам приходится признать, что некоторые не могут жить на свободе, потому что боятся и самих себя, и окружающего мира.

Чтобы разобраться в этих понятиях, я думаю, мы должны рассмотреть развитие младенца, ребенка, подростка, взрослого и проследить эволюцию не только отдельных личностей, но и требования этих индивидуумов к окружению по мере их развития. Очевидно, это признак здорового роста, когда дети начинают получать удовольствие от свободы, которая им дается во все возрастающих количествах. Какую цель мы преследуем, когда растим детей? Мы надеемся, что каждый ребенок постепенно

приобретет чувство безопасности. Внутри каждого ребенка должна созидаться вера во что-то; не только в то, что хорошо, но что надежно и долговечно или может быть подвергнуто риску и восстановлено после того, как было повреждено. Вопрос в том, как возникает чувство безопасности? Что приводит к такому благополучному положению дел, когда ребенок доверяет людям и вещам вокруг? Что формирует то качество, которое мы зовем уверенностью в себе? Является ли этот важный фактор внутренним, личным или это моральное обучение? Должен ли существовать пример, который нужно копировать? Необходимо ли обеспечить внешнее окружение, чтобы проявился желаемый эффект?

Мы могли бы рассмотреть этапы эмоционального развития, которые должен пройти каждый ребенок, чтобы стать здоровой и со временем взрослой личностью. Это заняло бы много времени, но все же возможно. В ходе такого обзора мы могли бы говорить о внутренних процессах роста индивидуума и о пути (конечно, очень сложном), который каждое человеческое существо должно пройти, чтобы стать полноправной личностью. Здесь, однако, я буду говорить об обеспечении окружения, о роли, которую играем мы, и роли, которую играет общество по отношению к нам. Именно обстановка делает возможным рост каждого ребенка, и без обеспеченного нами адекватного окружения не может быть личностного роста, или же этот рост будет извращен. И так как нет в точности похожих друг на друга детей, от нас требуется, чтобы мы приспосабливались к каждому ребенку особо. Это означает, что кто бы ни воспитывал ребенка, он должен знать его и действовать на основе личных жизненных взаимоотношений с этим ребенком, а не на основе чего-то изученного и применяемого механически. Если мы надежны, доступны и последовательны по отношению к себе, то мы обеспечиваем не ригидную, но живую и человеческую стабильность, в которой младенец чувствует защищенность. Это именно такое окружение, в отношениях с которым он может расти и которое он может впитывать и копировать.

Когда мы предлагаем безопасность, то делаем сразу две вещи. С одной стороны, благодаря нашей поддержке ребенок защищен от непредвиденного, от бесчисленных нежелательных вторжений и от мира, еще непонятного и неизвестного. А с другой стороны, ребенок защищен нами от его или ее собственных импульсов и последствий, к которым они могут привести. Вряд ли мне нужно напоминать вам, что очень маленькие дети нуждаются в уходе абсолютно и не могут существовать сами по себе. Им нужно, чтобы их держали,

перемещали, мыли, кормили, чтобы поддерживалась определенная температура и чтобы их защищали от сквозняков и ушибов. Им нужно, чтобы их побуждениям шли навстречу. Они нуждаются в нас, чтобы их спонтанность имела смысл. На этой ранней стадии не встречается особых затруднений, потому что в большинстве случаев у младенца есть мать, а мать в это время почти целиком связывает себя с потребностями своего младенца. На этой стадии младенец в безопасности. Если мать достигает успеха в этом деле, за которое она отвечает с момента рождения, то в результате трудности ребенка оказываются связанными не с покушениями внешнего мира, а с самой жизнью и конфликтами, сопровождающими живые чувства. В наиболее благоприятных обстоятельствах защищенный достаточной материнской заботой младенец начинает жить как личность и индивидуальность.

Очень скоро младенец становится способен защитить себя от неуверенности, но в первые недели и месяцы он еще очень слабо определился как личность и поэтому без поддержки его развитие искажается, если случается что-то непредвиденное. Младенец, который познал безопасность на этой — ранней стадии, начинает повсюду носить с собой ожидание, что его не подведут. Разочарования — ну, да, они неизбежны; но чтобы тебя подвели, покинули в беде — ну, нет! Все это довольно просто.

Вопрос, который нас здесь занимает — что происходит, когда устанавливается чувство безопасности? Я хочу сказать, что тогда начинается сплошная долгая борьба *против* защиты, так сказать, против безопасности, обеспеченной окружением. Мать, после начального периода защиты, постепенно допускает мир внутрь ограды, и теперь маленький ребенок-индивид набрасывается на любую новую возможность свободного выражения и импульсивного действия. Родители продолжают быть наготове с дисциплинарными рамками, каменными стенами и железными прутьями, но поскольку они знают, что представляет собой каждый ребенок, и поскольку они заинтересованы в эволюции детей как личностей, они приветствуют вызывающее поведение. Они продолжают быть хранителями спокойствия, но готовы к беззаконию и даже революции. К счастью, в большинстве случаев и родители, и дети получают облегчение от жизни в воображениии, от игры и культурного опыта. Со временем здоровые дети становятся способны сохранять чувство безопасности перед лицом открытой небезопасности, как в случае, например, когда родитель заболевает или умирает, когда кто-то ведет себя непорядочно, или когда по тем или иным причинам семья распадается.

Детям все еще надо выяснять, могут ли они полагаться на

своих родителей, и эти проверки могут продолжаться, пока дети не научатся сами обеспечивать безопасные условия для своих собственных детей, и даже дольше.

Очень характерно подростки проводят испытания всех мер безопасности и всех правил, предписаний и дисциплины. Обычно получается, что дети принимают безопасность как исходное предположение. Они понимают как должное раннюю родительскую заботу, потому что получали ее. Они носят с собой чувство безопасности, и эта черта постоянно подкрепляется через их испытание родителей, семьи, школьных учителей, своих друзей и самых разных людей, которые им встречаются. Обнаружив, что замки и засовы надежно заперты, они продолжают их отпирать и взламывать — они вырываются. Снова и снова они вырываются наружу. А иначе они сворачиваются калачиком на постели, заводят тоскливый джаз и ощущают тщетность всего.

Почему особенно подростки так любят проводить эти проверки? Вам не кажется, что это оттого, что они находят в себе пугающе новые и сильные чувства, и им хочется убедиться, что внешний надзор еще на месте? Но в то же время они должны доказать, что могут прорваться через этот надзор и упрочить себя как личность. Здоровым детям необходимы люди, продолжающие распоряжаться, но требование дисциплины должно исходить от лиц, которых можно любить и ненавидеть, которым можно бросить вызов или сдаться; от механических распоряжений нет никакой пользы, так же, как страх не является хорошим мотивом для согласия. Только живые взаимоотношения между личностями создают необходимое пространство для истинного роста. Настоящий рост прямо приводит ребенка и подростка к взрослому чувству ответственности, особенно ответственности за безопасность маленьких детей следующего поколения.

Разве трудно увидеть, как все это происходит в работе художников любого рода? Они дают нам нечто очень ценное, потому что постоянно создают новые формы и, разрушая их, прорываются к еще более новым формам. Художники дают нам возможность сохранить ощущение, что мы реально живы и действительность вокруг нас на самом деле существует, когда однообразные впечатления реальной жизни грозят уничтожить это ощущение. Из всех людей художники лучше всего умеют напомнить нам, что борьба между нашими импульсами и чувством безопасности (и то, и другое для нас жизненно необходимо) — вечна и продолжается внутри нас, пока длится наша жизнь.

Здоровые дети в результате приобретают достаточно веры в

себя и людей, чтобы возненавидеть внешний контроль любого рода; контроль сменился самоконтролем. В самоконтроле конфликт был проработан личностью заранее. Так что я понимаю это таким образом: хорошие условия на ранних этапах ведут к чувству безопасности, чувство безопасности ведет к самоконтролю, а когда самоконтроль становится фактом, навязанная безопасность становится оскорблением.

[1960]

Чувство вины

Клер Рейнер:

(Клер Рейнер, по образованию медицинская сестра — писатель и известная ведущая радио- и телевизионных программ; автор многих книг о здоровье детей.)

Когда моей дочери было всего несколько недель, мне позвонила одна родственница и, изменив голос, назвалась официальным представителем Общества защиты детей от жестокого обращения. И очень странно, хотя раньше я всегда распознавала подобные ее попытки разыграть меня, теперь я попалась на это и испытала страшный приступ виноватого страха. Это показалось мне очень интересной реакцией. Мне потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя; на самом деле, целый день. У меня не проходило это противное, тошнотворное чувство, что я сделала что-то нехорошее.

Дональд Вудс Винникотт:

Да, понимаю. Но если не говорить о чувстве вины, не сыграло ли здесь роль то, что случилось нечто неожиданное, как раз в тот момент, когда Вы, собственно, только что вернулись в мир? Я имею в виду, что при рождении ребенка и сразу после этого Вы занимаете довольно привилегированное положение и не ожидаете ничего подобного. Разве не заставил бы Вас в это время даже сильный шум или вообще что-то непредвиденное почувствовать страх?

К. Р.: Да, конечно, я согласна, но здесь специфическим было именно чувство вины. Вы же знаете, что существует столько разных страхов, не правда ли? Вы слышите громкий шум и испытываете один вид страха, и страх ожидания, когда предстоит что-то неприятное — такой страх бывает, когда вы собираетесь к зубному врачу. Но это был именно страх виновности. Я сделала что-то плохое, и меня должны вывести на чистую воду, понимаете? Так я себя чувствовала. Как будто меня изобличили в преступлении.

Д. В. В.: Да, я хорошо понимаю, что Вы хотите сказать, и я рад возможности обсудить это с вами. Существует одна вещь, которая меня очень заинтересовала. Выступая как обозреватель, психолог и тому подобное, разговаривая с мамами и папами об их детях, я обнаружил, что как ни старайся быть осторожным, все равно способствуешь возникновению у них чувства вины. Я старался как только мог поставить дело так, чтобы это не было критикой. Я пытался объяснять, а не утверждать, что нечто неправильно и так далее. Но все равно люди постоянно приходят ко мне и говорят:

каждый раз, когда я слушаю Вас или читаю что-то написанное Вами, я чувствую себя таким злым; поэтому меня очень интересует проблема вины.

К. Р.: Ну, это только один из видов вины, не так ли? Некто прочитал статью или книгу, в которой говорится, что нужно делать то-то и то-то, и он немедленно почувствует вину, потому что ничего подобного не делал. Но возникают и другие мысли. Я знаю одну молодую женщину, которая, думаю, не прочитала за свою жизнь ни одной подобной статьи, и у нее, сразу после рождения ребенка, появилось навязчивое стремление к чистоте. Я имею в виду, что до того она была обычной домохозяйкой, но как только появился ребенок, она стала мыть все, к чему он может прикоснуться хоть пальцем. Она переодевала его по три или четыре раза в день, не могла вынести на нем даже пятнышка, если оно там вообще было, а по мере того, как он рос, все это разрасталось. Понятно, что пока он был крошечным, все ограничивалось его кроваткой, коляской, его комнатой. Теперь он стал повсюду ползать и это мытье распространилось на другие комнаты, куда он заползает. Ее ковер в гостиной, она чистит его каждую неделю, моет шампунем, хотя это кажется мне совсем уж странным занятием; я не могу избавиться от впечатления, что она чувствует какую-то вину и из-за этого ведет себя таким образом. Я не знаю, Вы согласны со мной?

Д. В. В.: Ну, я думаю, это подходящий пример крайнего случая, потому что он предполагает, что можно чувствовать вину, не зная об этом. В этом крайнем случае большинство наблюдателей могли бы сказать, что у этой матери существует страх, что с ребенком должно произойти что-то плохое и она обязана принять все меры предосторожности. Но я не думаю, что она знает об этом. Она просто чувствует, что ей станет очень плохо, если она не будет постоянно все чистить, и ей, вероятно, плохо даже и когда она занимается своей чисткой. Я думаю, самыми различными путями можно, наблюдая, прийти к пониманию, что кто-то действует под давлением чувства вины и, вероятно, сам этого не знает. Но существует и другая сторона проблемы, когда мы обнаруживаем всеобщее скрытое чувство вины, которое, я думаю, должно заинтересовать нас больше всего.

К. Р.: Да, я много над этим думала. Мне очень интересно было бы знать, как часто это может обусловливаться ревностью матери по отношению к ребенку. Я боюсь показаться занудой, но опять приведу в пример свой собственный случай. Когда родилась моя дочь, я вдруг поняла — я как раз привезла ее домой, — что ревную ее к своему мужу. Я боялась — тогда я не сознавала этого, но теперь понимаю, — что она может украсть у меня часть его

внимания ко мне. Мне казалось, что для нее нет места в наших взаимоотношениях. И когда я это осознала, эту вполне реальную ревность, ее не стало. Как только я признала, что это ревность, она тут же исчезла, и мне кажется, это очень интересно. Но мне хотелось бы знать, многие ли из матерей испытывают ревность. Если у них дочь, что они чувствуют по поводу разницы в возрасте? Поскольку в наши дни такой упор делается на женскую молодость и красоту — в журналах и так далее — разве не может случиться, что женщина с маленькой девочкой вдруг очень ясно увидит, что она уже не так молода, как раньше, не так молода, как этот ребенок, и что ее жизнь отчасти уже прошла? Что вот перед ней это молодое существо, чья жизнь только начинается. Может она из-за этого почувствовать ревность? И вину из-за ревности? Как Вы думаете, возможно такое?

Д. В. В.: Я думаю, в своем откровенном рассказе Вы обрисовали одну из очень многих возможностей того, как люди могут почувствовать вину, если у них возникают неожиданные мысли по поводу своих детей. В Вашем случае — Вы сказали, что могли ревновать, потому что у Вас была маленькая девочка и Вам небезразлична реакция вашего мужа на появление ребенка и т. д. — да. Но если бы у Вас был мальчик, все могло бы быть по-другому. У кого-то еще мальчик, но они тоже обеспокоены и чувствуют себя нехорошими, потому что с удивлением обнаруживают, что не хотели мальчика, что по той или иной причине они не сразу начинают любить ребенка, как, казалось им, должны были бы. У всех есть предвзятые представления о каком-то идеальном состоянии, когда мать и ребенок просто любят друг друга, поэтому, я думаю, то, на чем Вы заостряете внимание — только один из примеров причины, по которой каждая отдельно взятая мама могла бы обнаружить у себя неожиданные эмоции и почувствовать себя виноватой, думая, что такого быть не должно. И, например, могло бы оказаться, что она совершенно естественно любит своего ребенка и из-за этого чувствует себя ужасно, потому что, как ей кажется, ее собственная мать не любила ее так, и у нее возникает чувство, что… что она подает своей матери пример. Я вспомнил, как видел маленькую девочку, сидящую на полу и так нежно обращавшуюся с куклой, что любой бы почувствовал, как она говорит своей матери, какой отвратительной матерью она ее считает в данный момент. Я думаю, другими словами, что существует огромное разнообразие всякого рода причин, почему у людей могут возникать не ожидаемые ими чувства и эмоции по отношению к новорожденному ребенку. (*К. Р.*: Да.) Но я все же думаю, что есть более глубокие, неотъемлемые причины, которые окажутся

абсолютно универсальными, если только мы сумеем их раскрыть.

К. Р.: Да, вы знаете, я сейчас вспомнила, что когда я проходила акушерскую практику, я заметила, что очень часто первым вопросом матери было не «Кто это?», а «С ним все в порядке?» или «Он нормальный?» Меня это тогда заинтересовало, а сейчас интересует еще больше. Я не могу понять, почему мать должна бояться, что с ребенком что-то не так, ведь это очень распространенный страх, правда? Как будто вы должны произвести на свет (*Д. В. В.:* Да…) какое-нибудь чудище или что-то такое ненормальное.

Д. В. В.: Видите ли, я думаю, это не только обычно, но и довольно нормально. Я хочу сказать, что некоторые люди — конечно, есть самые разные люди, они должны быть, и это хорошо — но некоторые люди, на самом деле, в значительной степени отделяют рождение детей от всей своей остальной жизни. Но нельзя сказать, что это обязательно нормально. У большинства людей — если у них появляются дети — целый мир фантазий о детях присоединяется к действительному рождению ребенка. То есть все те фантазии, которые проявлялись в их играх в папу и маму, когда они сами были детьми, и в их представлениях о рождении. Со всем этим связано значительное количество любви и ненависти, и… агрессии, смешанной с нежностью, поэтому, мне кажется, мы здесь имеем дело с чем-то внутренне присущим человеку, что мы можем найти абсолютно у каждого. Когда появляется ребенок, люди могут прекрасно понимать умом, откуда он взялся, но в то же время в их фантазиях ребенок есть нечто ими созданное, а они не думают, что могут создать что-то совершенное. И они правы. Я имею в виду, что если бы они попытались нарисовать картину, или создать какое-то другое произведение искусства, или даже приготовить обед, они не могли бы быть уверены, что получится нечто совершенное. И все же они могут произвести совершенного ребенка.

К. Р.: Не значит ли это, что если мать задает такой вопрос и ей отвечают, что ребенок нормальный, все в порядке, то ее вина, чувство вины, вызвавшее этот вопрос, исчезает — развеивается?

Д. В. В.: Да, именно это я и имею в виду, что тогда ребенок опять становится ребенком, а фантазии остаются только фантазиями. Но, с другой стороны, если в ребенке есть хоть что-то сомнительное, или сестра даже и скажет, что все в порядке, но чуть-чуть помедлит, у матери оказывается достаточно времени, чтобы все ее фантазии, страхи и сомнения соединились с представлением о ребенке, и она не сможет вновь обрести уверенность. А если действительно что-то не в порядке, ей придется пережить тяжелое время, в течение которого она будет

чувствовать себя ответственной за это, из-за связанности ее представления о ребенке с действительной беременностью. (*К. Р.:* Да.) С ребенком внутри нее. На самом деле, это две совершенно разные вещи, но их не так легко разъединить, если младенец оказывается не вполне нормальным.

К. Р.: Да, понимаю.

Д. В. В.: А с другой стороны, я бы сказал, что если ребенок и оказывается вполне нормальным, то он не так хорош, как некоторые ее фантазии о ребенке.

К. Р.: Да. Однако хотела бы я знать, настолько ли всеобщи эти ощущения вины. Они должны иметь определенное значение. Чувство вины само по себе совсем не так плохо, ведь правда? Разве оно не способствует, в своем роде, укреплению чувства ответственности за ребенка?

Д. В. В.: Да. Я думаю, это ужасно похоже на… ну, возьмите, например, приготовление пищи. Если у кого-то нет совершенно никаких следов сомнения, я не думаю, что этот человек может быть интересным кулинаром. Дело в том, что, например, перед приемом гостей каждый чувствует себя немного на взводе, потому что что-то может не удаться, и на стол, конечно, поставят слишком много еды, а вдруг не хватит и тому подобное… Так бывает почти у всех. Но, как правило, люди приходят, бывают довольны и съедают все — даже если это и слишком много. Мне кажется, Вы хотите сказать, что на самом деле людям необходимы сомнения в себе, чтобы полностью чувствовать ответственность.

К. Р.: Да, да, я это и имела в виду. Если вы не чувствуете себя немного виноватой перед своим ребенком, то у вас и не будет потребности так его оберегать, правда? Я говорю, что если бы вам казалось, что все будет идти отлично и нормально, а у ребенка вдруг поднялась температура, вы бы сказали: «Ну, ничего плохого случиться не может; зачем беспокоиться? Вызывать доктора? Не нужно, ничего страшного, вероятно, из-за этого не произойдет…»

Д. В. В.: Да, и для меня это весьма практический вопрос, так как я провожу массу времени, принимая матерей, которые приносят детей в больницу. И я вижу, что они приходят, беспокоясь за своих детей, а если бы они не беспокоились, то и не заметили бы, что ребенок заболел. (*К. Р.:* Да.) Они часто приходят, когда ребенок вполне здоров. Мама может мне сказать, что ребенок вчера упал и ушиб голову и: «Я только — я не совсем уверена, хорошо ли он себя чувствует, все ли с ним в порядке?» Она права, что должна была прийти, а от меня требуется, вероятно, сказать: «Да, я осмотрел его, с ним все в порядке.» И затем я понимаю, что дело здесь в чувстве вины по отношению к ребенку, вполне нормальном — оно проходит, раз она сделала,

что от нее зависело, она проверила то, что требовалось. Или, возможно, она могла и не приходить к врачу, а понаблюдать, подумать и понять, что все в конце концов обошлось благополучно. Но это именно чувство вины, я думаю, делает ее чувствительной (*К. Р.:* Да) и заставляет сомневаться в себе. Потому что я хорошо знаю, что бывают родители, которые не способны испытывать чувство вины и даже не замечают, что их дети больны.

К. Р.: Да, это должно быть довольно приятно, если можно так сказать, для ребенка. Я имею в виду, что для него мир и связанные с ним ответственности огромны, ошеломляющи, ведь так? И мать, которая готова возложить на себя вину за происходящее, порицать себя и защищать его таким образом… Это, должно быть, очень приятно для него; вина матери становится подушкой, разве нет? Защищающей от мира во всей его огромности.

Д. В. В.: Да. В общем, я думаю, если бы мы могли выбирать себе родителей, чего мы, конечно, как раз делать не можем, мы выбрали бы маму, которая испытывает чувство вины — по крайней мере, чувствует ответственность и считает, что если произошло что-то плохое, то это ее вина. Мы скорее выбрали бы ее, а не такую мать, которая немедленно обращается за объяснениями к внешним причинам, говорит, что это из-за грозы в прошлую ночь или какого-то еще совершенно постороннего явления и не принимает ни за что ответственности. Я думаю, из двух — разумеется, двух крайностей — мы выбрали бы мать, которая остро чувствует ответственность за все.

[1961]

Развитие у ребенка понятий правильного и неправильного

Некоторые люди думают, что понятия о правильном и неправильном вырастают в ребенке сами по себе, так же, как умение ходить и говорить, в то время как другие считают, что их необходимо прививать. Что касается меня, то, я думаю, имеет место нечто среднее между этими крайностями. Моя мысль состоит в том, что чувство хорошего и плохого, как и многое другое, естественно приходит к каждому младенцу и ребенку, но при условии, что его окружение отвечает определенным требованиям. Эти существенные условия трудно сформулировать в нескольких словах, но в основном верно следующее: окружение должно быть предсказуемым и поначалу в высокой степени адаптированным к нуждам младенца. На самом деле для большинства детей эти условия обеспечиваются.

Я хочу только сказать, что основой морального чувства является фундаментальное переживание младенцем реальности собственного Я, непрерывности своего бытия. Реагирование на непредвиденное ломает эту непрерывность и создает помехи развитию Я. Но это выходит за пределы нашего теперешнего обсуждения. Я перейду к следующей фазе развития.

По мере того, как каждый младенец начинает накапливать свой собственный, обширнейший и неповторимый опыт продолжающегося бытия, и понимать, что существует Я, которое может быть независимым от матери, на передний план начинают выступать страхи. Они примитивны по своей природе и основываются на ожидании жестоких воздаяний. Младенец приходит в возбуждение, возникают агрессивные или разрушительные импульсы или представления, которые проявляются как крик или желание кусать, и тут же ему кажется, что мир вокруг полон кусающих ртов, зубов, когтей и прочих угроз. Таким образом, мир младенца был бы ужасающим местом, если бы не общая охранительная позиция матери, покрывающая эти сильнейшие страхи, сопровождающие ранние переживания. Мать (я не забываю и об отце), являясь человеческим существом, изменяет качество страхов маленького ребенка. Младенец постепенно признает ее человеческим существом. Поэтому вместо мира магических возмездий он приобретает мать, которая понимает и реагирует на его импульсы. Но матери можно причинить боль или она может рассердиться. Если представить дело таким образом, вы немедленно увидите, какое огромное

значение для младенца имеет то, что силы возмездия очеловечиваются. Прежде всего, мать понимает разницу между действительным уничтожением и намерением уничтожить. Она говорит «Ой!», когда ее кусают. Но ее вовсе не смущает то, что младенец хочет ее съесть. На самом деле она чувствует, что это комплимент, это единственный доступный ему способ выразить свою восторженную любовь. И, конечно, ее не так-то легко съесть. Она говорит «Ой!», но это значит только, что ей немного больно. Ребенок может поранить грудь, особенно если зубы некстати появились слишком рано. Но мать переживет это, и факт ее выживания дает младенцу возможность для восстановления уверенности. Более того, вы же даете детям что-нибудь твердое и очень прочное, не правда ли, вроде погремушки или пластмассового кольца? Потому что вы понимаете, какое это для него облегчение, когда можно от души что-нибудь искусать.

В результате для младенца открывается возможность развития фантазии рядом с реальным импульсивным действием, и этот важный шаг совершается благодаря последовательному поведению матери и ее общей надежности. К тому же эта надежность окружения обеспечивает условия, делающие возможным следующий шаг в развитии. Следующая стадия определяется тем вкладом, который может внести младенец в счастье своих родителей. Мать оказывается в нужный момент рядом, чтобы принять импульсивный жест, ей предназначенный и означающий для нее очень многое, потому что это — часть младенца, а не просто реакция. Бывает рефлекторная улыбка, которая мало или вообще ничего не значит, но время от времени появляется и улыбка, являющаяся выражением любви, и любви именно к матери, в данный момент. Позже ребенок будет плескать на нее водой в ванной, тянуть за волосы, кусать мочки ее ушей, обнимать и тому подобное. Или же младенец испражняется неким особым образом, подразумевающим, что испражнения имеют смысл подарка. И определенную ценность. Такие мелочи, если они спонтанны, чрезвычайно воодушевляют мать. И в связи с этим для младенца становится возможным сделать новый шаг в развитии и интеграции, по-новому и более полно принять ответственность за скверные и разрушительные поступки, совершаемые в моменты возбуждения — так сказать, в моменты следования инстинктам.

Самый важный для младенца инстинкт — тот, что пробуждается при кормлении, и он сливается с любовью, приязнью и нежной игрой. И все фантазии о съедении мамы и папы перемешиваются с реальностью поедания, которая перемещается на поедание пищи. Младенец способен принимать

ответственность за все это безжалостное уничтожение, зная, что возможны и жесты доброй воли, показывающие готовность отдавать, и зная по опыту, что мать будет рядом в тот момент, когда у него появится искренний импульс любви. Таким образом достигается определенная мера контроля над тем, что ощущается как хорошее, и тем, что ощущается как плохое. В результате сложного процесса, благодаря растущей силе личности, дающей возможность удерживать рядом различные переживания — мы называем это интеграцией — младенец постепенно становится способен вынести то тревожное чувство, которое возникает из-за деструктивных элементов инстинктивных переживаний, так как знает, что все можно исправить и выстроить заново. Мы даем этой выносливости по отношению к тревоге определенное название. Мы зовем ее чувством вины. Можно видеть, как чувство вины развивается параллельно с укреплением веры младенца в надежность окружения. И можно также видеть, как способность чувствовать вину пропадает, если доверие теряется и на окружение нельзя полагаться, как в тех случаях, когда мать должна оставить младенца одного, когда она больна или, возможно, просто слишком занята.

Как только младенец обретает способность испытывать виноватые чувства, так сказать, соотносить конструктивное поведение с тревогой по поводу деструкции, он оказывается в состоянии разграничить, что ощущается как хорошее и что — как плохое. И это не прямое заимствование морального чувства родителей, но начало нового морального чувства, принадлежащего новому индивидууму. Чувство, что нечто правильно, конечно, как-то связано с представлениями младенца о мнении, которое имеется у матери или обоих родителей, но коренится глубже, в значении хорошего и плохого, связанном с этим чувством вины — балансом между разрушительными импульсами и возможностями восстановления и созидания. То, что уменьшает чувство вины, воспринимается младенцем как хорошее, а то, что усиливает — как плохое. На самом деле его внутреннее моральное чувство, развивающееся из примитивных страхов, гораздо жестче, чем моральное чувство матери и отца. Для младенца в счет идет только то, что реально и истинно. Попробуйте научить ребенка, чтобы он говорил «тя!» из стремления к хорошим манерам, а не из благодарности.

Если подходить с позиций этой теории, которую я использую в своей работе, то станет понятно, что вы даете вашему младенцу возможность развить чувство правильного и неправильного, если он может полагаться на вас в этой ранней, определяющей фазе жизненного опыта. Поскольку каждый ребенок обретает свое

собственное чувство вины, постольку, и не более того, имеет смысл преподносить ему ваши понятия о хорошем и плохом.

Если вы не сможете добиться успеха в этом направлении (а с одним младенцем вам повезет больше, чем с другим), лучшее, что можно сделать — это быть строгим, хотя, как вы понимаете, это не самое хорошее, что мог бы встретить ребенок в процессе своего развития. Если вы потерпите полную неудачу, вам придется прививать понятия правильного и неправильного путем обучения и муштры. Но это — только эрзац реальных чувств и признание неудачи, и этот путь будет ненавистен вам самим; и во всяком случае, этот метод работает только до тех пор, пока вы, или кто-то другой, находитесь поблизости, чтобы навязывать свою волю. С другой стороны, если вы с самого начала поведете себя с младенцем так, что он или она сможет полагаться на вас и развивать личное чувство правильного и неправильного, вместо грубых и примитивных страхов возмездия, то позже вы сможете укреплять эти понятия ребенка и обогащать их своими собственными. Потому что, когда дети подрастают, им нравится копировать своих родителей, или же восставать против них, что, в конечном счете, то же самое.

[1962]

Ему уже пять лет

Во время совсем недавнего судебного разбирательства некий ученый судья, как сообщают, сказал (дело касалось пятилетнего ребенка, чьи родители разошлись): «Общеизвестна гибкость детей в этом возрасте.» У меня нет намерения критиковать принятое в данном случае решение, но для нас остается открытой возможность обсудить следующее: так ли бесспорна эта «общеизвестная гибкость» детей в пять лет? Гибкость, как мне кажется, приходит только с ростом и повзрослением, и потому мы можем считать, что в процессе развития ребенка нет такого периода, про который можно было бы сказать, что ребенок в данный период обладает гибкостью. Наличие гибкости предполагало бы, что мы можем ожидать от ребенка податливости, без опасности для личностного роста и формирования характера.

Можно даже утверждать, что для пятилетнего возраста характерны некоторые особенности, в силу которых никак нельзя ослаблять требования к надежности окружения. Сегодня я попытаюсь эти особенности рассмотреть.

Вы смотрите, как ваши дети растут, и изумляетесь. Все идет так медленно, и в то же время происходит молниеносно. Вот что забавно. Всего несколько недель назад это был грудной младенец, потом он стал ходить, сегодня ему уже пять, а завтра он пойдет в школу — или она, смотря по обстоятельствам. А еще через несколько недель он уже будет ходить на работу.

Мы наблюдаем здесь интересное противоречие. Время прошло сразу и медленно и быстро. Или я мог бы сказать, что если бы вы воспринимали вещи с точки зрения ребенка, то время практически стояло бы на месте. Или оно началось с неподвижности и только постепенно стало двигаться. Идея бесконечности происходит из следов воспоминаний у каждого из нас о нашем младенчестве, когда время еще не началось. Но когда вы совершаете прыжок к своим взрослым переживаниям, то понимаете, что пять лет — это почти ничто.

Это приводит к любопытному явлению, касающемуся того, что помните вы и что помнит ребенок. Вы сами совершенно ясно помните, что происходило месяц назад, и вдруг обнаруживаете, что пятилетний ребенок не помнит, как приходила в гости тетя или как родился новый щенок. Он помнит некоторые вещи, даже очень ранние, особенно если о них разговаривали, и он использует семейное «предание», которое выучивает, как если бы в нем речь шла о ком-то другом, или оно относилось бы к

персонажам в книжке. Он стал больше сознавать себя и настоящий момент, и значит, пришло время забывать.

У него теперь есть прошлое, и в его сознании присутствует намек на полузабытые вещи. Его плюшевый медведь засунут в самый дальний угол нижнего ящика комода, или он забыл, как важен был когда-то для него этот медведь, если, конечно, он внезапно не почувствует снова потребность в нем.

Мы могли бы сказать, что он выходит из-за ограды; в стенах ограды появляются промежутки, и они становятся неравномерными по толщине; и вот — о чудо — он уже снаружи. И для него непросто вернуться обратно, или почувствовать себя вернувшимся, если только он не устал или болен и вы, ради него, эту ограду восстанавливаете.

Ограду обеспечиваете вы, его мама и папа — семья, а также дом и двор, привычные пейзажи, шумы, и запахи. Она соответствует его собственной незрелости и доверию к вашей надежности, а также субъективному характеру младенческого мира. Эта ограда является естественным продолжением ваших рук, которыми вы обнимали его в грудном возрасте. Вы приспосабливали себя самым тесным образом к нуждам младенца, а потом — рас-приспосабливались, в соответствии с ростом его способности получать удовольствие от непредвиденного и нового. Поэтому, так как разные дети не слишком похожи друг на друга, оказывается, что вы создали ограду для всех ваших детей — для каждого по одной; и именно из этой ограды ваш сын или ваша дочь теперь выходят — в новое сообщество, новый тип ограды, хотя бы на несколько часов в день. Другими словами, ваш ребенок пойдет в школу.

Вордсворт имел в виду эту перемену, когда написал в своей «Оде к намекам бессмертия»:

> Небеса окружают нас в нашем младенчестве,
> Тени тюремных стен начинают смыкаться
> Над взрослеющим мальчиком…

Поэт здесь, несомненно, почувствовал это осознание новой ограды, в противоположность неосознанности младенческой зависимости.

Конечно, вы уже способствовали началу этого процесса, если водили ребенка в детский сад (если таковой, и очень хороший, находится рядом с вашим домом). Хороший детский сад предоставляет небольшой группе детей возможности для игры, подходящие игрушки и, возможно, более подходящий пол, чем у вас дома. И всегда кто-то находится рядом, чтобы присматривать

за вашим ребенком в его первых проявлениях социальной деятельности, например, попытках трахнуть лопаткой по башке другого ребенка.

Но детский сад не слишком сильно отличается от дома, это специализированное окружение. Школа, которая нас сейчас интересует, есть нечто иное. Начальная школа может быть хорошей или не очень, но она не будет столь адаптированной, как детский сад, или столь специализированной, разве что в самом начале. Другими словами, адаптироваться придется вашему ребенку, ему придется приспосабливаться к требованиям, предъявляемым школой к ученику. И я надеюсь, он готов к этому, так как из этого нового опыта он должен сделать для себя массу важных выводов.

Вы много размышляли о том, как обставить эту большую перемену в жизни вашего ребенка. Вы уже говорили о школе, ребенок видел школу и предвкушал возможность нового обучения, расширяющего тот опыт, который у него уже есть — когда его учили вы или кто-то другой.

На этом этапе возникают трудности, так как изменения в окружении должны соответствовать внутренним изменениям в результате роста ребенка. Мне очень часто приходилось иметь дело с затруднениями в этом возрасте, но я могу сказать, что в подавляющем большинстве случаев не было по-настоящему глубокого расстройства, настоящей болезни. Напряженность возникает из-за того, что одному ребенку приходится стараться быть более быстрым, другому — более медленным. Несколько месяцев разницы могут иметь огромное значение. И вы можете чувствовать, как ваш ребенок, чей день рождения в ноябре, грызет удила, ожидая, когда же его пустят в школу, в то время как ребенку, родившемуся в августе, следовало бы, пожалуй, обождать месяц-другой. В любом случае один ребенок изнывает от нетерпения перейти на глубокое место, а другой ежится на берегу и вообще не хочет войти в воду. И, кстати, некоторые из наиболее смелых вдруг отшатываются обратно, внутрь вашей ограды, и отказываются выйти оттуда на протяжении нескольких дней или недель. Вы знаете, чего можно ждать от вашего ребенка, и говорите с учителями, которым все это хорошо известно и которые готовы подождать, отпуская, так сказать, поводок. Следует понять, что выход за ограду — восхитительное и в то же время пугающее переживание; и что для ребенка ужасающа эта невозможность вернуться обратно. А жизнь — это длинная серия таких выходов за ограду, новых рисков и ответов на новые восхитительные вызовы.

У некоторых детей возникают особые трудности, которые

делают невозможным этот новый шаг, и может потребоваться помощь, если это не проходит с течением времени; или если имеются другие указания на то, что ребенок болен.

Но, может быть, что-то не в порядке с вами, с очень хорошей матерью, если ваш ребенок отшатывается от нового. В таком случае не следует об этом умалчивать, и я поясню, что имею в виду.

Некоторые мамы функционируют как бы в двух плоскостях. На одном уровне (можно назвать его верхним) они хотят только одного — чтобы ребенок вырос, вышел из-за ограды, пошел в школу, вышел в мир. Но на другом, более глубоком, как я думаю, и на самом деле, не сознаваемом, они не могут допустить, что ребенок станет свободен. Здесь, в глубине души, где логика не имеет большого значения, мать не может отказаться от самого для нее драгоценного, от своей материнской роли — ей легче чувствовать себя матерью, когда ребенок во всем зависим от нее, чем когда он, по мере роста, становится все более отдельным, независимым и непослушным.

И ребенок очень хорошо это понимает. Хотя ему хорошо в школе, он изо всех сил бежит домой и каждое утро будет кричать и плакать, лишь бы не идти в эту самую школу. Он чувствует, что виноват перед вами, потому что вы не можете смириться с потерей, не можете отослать его прочь, такова уж ваша природа. Для него было бы легче, если бы вы были рады избавиться от него на какое-то время, но также рады увидеть его снова.

Понимаете, многие люди, даже лучшие из них, часть времени (а может быть, и почти все время) пребывают в несколько депрессивном настроении. Они испытывают смутное чувство вины и озабочены своей ответственностью. Оживление, которое ребенок вносил в дом, было своего рода тонизирующим средством. Постоянный шум, пусть даже и плач, был признаком жизни, и придавал необходимую уверенность. Потому что депрессивные люди все время чувствуют, что они, быть может, способствовали смерти чего-то драгоценного и необходимого. Приходит время ребенку идти в школу, и тогда мать пугается пустоты — в своем доме и в себе самой: ее страшит чувство жизненной неудачи, которое может побудить ее к попыткам занять себя чем-то другим. Когда ребенок приходит из школы, а мать нашла себе новое занятие, для него уже не находится места или же ему придется отвоевывать прежние позиции. Эта борьба может стать для него более важной, чем школа.

Обычным результатом является то, что ребенок вообще отказывается ходить в школу. И он все время тоскует по школе, а мать страстно желает, чтобы он был как все остальные дети.

Я знал мальчика, у которого в этот период появилась страсть к связыванию различных вещей веревочками. Он все время привязывал подушки к каминной доске или стулья к столу, так что передвигаться по дому становилось опасно. Он очень нежно относился к своей матери, но был всегда неуверен, сможет ли снова найти путь к ее сердцу, потому что она очень быстро впадала в депрессию, когда он покидал ее, и сразу же замещала его чем-то еще, о чем она могла бы беспокоиться.

Если вы в чем-то похожи на эту маму, вам, может быть, поможет сознание того, что это обычное явление. Вам может быть приятно, что ребенок так остро чувствует настроение матери и других людей, но вы сожалеете, что ваша невыраженная и даже несознаваемая тревога заставляет его испытывать чувство вины перед вами. И он не может выйти за ограду.

Может быть, вы встречались с подобными трудностями и раньше. Например, было трудно отлучить ребенка от груди. Может быть, вы осознали эту закономерность в его поведении, увидев его нерешительность перед каждым следующим шагом, перед лицом неизвестности. Каждый такой момент был связан для вас с риском, что ребенок перестанет зависеть от вас. В этом процессе развития возникал независимый, со своим подходом к жизни, ребенок, и хотя вы видели все преимущества этого, вы не могли отказаться от своих чувств. Существует очень тесная взаимосвязь между смутно-депрессивным состоянием души — этой занятостью неопределенными тревогами — и способностью женщины полностью посвящать свое внимание ребенку. Невозможно говорить об одном из этих явлений, не имея в виду другое. Большинство женщин, я думаю, находятся где-то на границе между тем и другим.

Матерям приходится пройти через всевозможные муки, и хорошо еще, если дети не оказываются втянутыми в какие-либо из них. Им хватает и собственных мучений. На самом деле им, пожалуй, нравятся их собственные муки, наравне с новыми умениями, перспективами и возможностями удовольствия.

Так что же Вордсворт назвал «тенями тюремных стен»? Я называю это изменением, когда жизнь ребенка в субъективном мире сменяется жизнью в мире разделяемой реальности, характерной для старшего возраста. Младенец начинает с магической власти — если вы хорошо о нем заботитесь — и создает мир заново, включая вас и дверные ручки. Но к пятилетнему возрасту он становится способен воспринимать вас как самих-по-себе, признавать мир дверных ручек и других предметов, существовавших до его зачатия, и признавать факт своей зависимости, как раз в тот момент, когда он становится

действительно независимым. Все дело в том, чтобы не перепутать времена, и я надеюсь, что вы прекрасно с этим справились. Так или иначе, но людям это обычно удается. Но существует множество путей, которыми жизнь вторгается в мир вашего ребенка. Я упомянул плюшевого медведя. Ваш ребенок может иметь пристрастие к какому-то определенному предмету — одеялу, пеленке, вашему шарфу или тряпичной кукле — который стал для него важным больше всего прочего, еще когда ему или ей не исполнился год или около этого. Особенно он важен в моменты перехода, например, от бодрствования ко сну. Он чрезвычайно важен; то, как с ним обращаются, вызывает отвращение; он воняет. Но вам повезло, если ребенок находит такой предмет, а не использует вас, мочку вашего уха или ваши волосы.

Этот предмет соединяет ребенка с внешней, или разделяемой, реальностью. Он одновременно и часть ребенка и часть вас, матери. Некоторые из детей не испытывают нужды в нем в течение дня, но другие должны таскать его с собой повсюду. В пять лет этот предмет перестает быть необходимым, но многие другие вещи могут занять его место — ребенок рассматривает комиксы, у него множество игрушек, мягких и жестких, и весь мир культуры ожидает возможности обогатить его жизнь. Но, когда ребенок идет в школу, могут возникнуть некоторые трудности и, может быть, следует попросить учителя не торопиться и не подвергать абсолютному запрещению этот особенный предмет. Этот вопрос обычно решается сам собой, в течение нескольких недель.

Я сказал бы, что ребенок приносит в школу нечто от взаимоотношений с вами, которое восходит к всецелой инфантильной зависимости, к самым ранним временам, когда он только начинал осознавать вас и мир вокруг как нечто отдельное от своего Я.

Если страхи относительно школы найдут разрешение, то мальчик откажется от своего излюбленного предмета и станет таскать за собой машинку на веревочке или карамель в карманах, а девочка как-то приспособится, комкая носовой платок или, возможно, нося с собой повсюду свое дитя в спичечной коробочке. В любом случае, у детей остается возможность ковырять в носу или грызть ногти. По мере того, как они обретают уверенность, они отказываются от этих привычек. Вы понимаете, что вправе ожидать от детей проявлений тревоги, которые сопровождают каждый отход ребенка от того, чтобы быть неотъемлемой частью вас и вашего дома, к положению «гражданина мира». И тревога может проявляться в возвращении к инфантильным привычкам,

которое, к счастью, возможно и помогает вновь обрести уверенность. Эти привычки становятся чем-то вроде встроенной психотерапии, эффективной потому, что вы существуете и доступны и все время являетесь связующим звеном между настоящим и инфантильными переживаниями, пережитком которых данные привычки являются.

И еще одно. Дети склонны чувствовать себя неверными, если им хорошо в школе и они с удовольствием забывают о вас на несколько часов. Они ощущают смутное беспокойство, подходя к дому, или же медлят с возвращением, сами не зная почему. Если у вас есть причина сердиться на ребенка, не используйте для выражения недовольства этот момент его или ее возвращения из школы. Вы также можете испытывать досаду оттого, что вас забыли, так что следите за своими собственными реакциями на развитие событий. Лучше не спешить с наказанием за чернильные пятна на скатерти, пока вы с ребенком не восстановите контакт.

Все это не будет представлять особых трудностей, если вы понимаете, что происходит. В конце концов, рост ребенка — не сплошь мед для него, а для матери он часто бывает горькой чашей.

[1962]

Созидание доверия

Было бы легко писать о стрессах, присущих самому раннему возрасту, потому что каждому понятно, что самым маленьким нужна постоянная и надежная забота, иначе они не будут развиваться правильно. На позднейших стадиях развития индивидуальности мы полагаем, что дети уже накопили разнообразнейший опыт хорошей заботы о себе, и они движутся дальше с определенной верой в людей и мир вокруг, и не так-то просто столкнуть их с этой дороги. Однако в более молодом возрасте вера в вещи и доверие к людям находятся в процессе построения.

Главное, что мы замечаем в маленьких детях — что хотя они нам доверяют, их вера легко может пошатнуться. Поэтому нужно быть особенно внимательными, чтобы была обеспечена надежность в существенном.

Следует понять, что нам это удается не потому, что мы прилагаем сознательные усилия, читаем книги или слушаем лекции, но потому что дети вызывают проявление лучшего в нас, и некоторое время мы ведем себя очень хорошо. Мы даже не ссоримся публично-то есть в присутствии детей — и нам может казаться, что сам факт их существования удерживает нас вместе.

Некоторые люди слишком заняты устройством собственной жизни и собственным трудным характером и потому не могут дать детям того, что им нужно, но дети могут проявлять большое понимание при условии, что семья существует, что они видят родителей вместе, что бывает тепло даже в холодную погоду, и можно быть уверенным, что тебя вкусно накормят, и не возникает неожиданно громкого шума, который причиняет физическую боль и необъясним для ребенка. При физических условиях, доступных для понимания, за которые, так сказать, можно ухватиться, дети способны выносить некоторую напряженность в отношениях родителей, так как для них уже неплохо, что родители присутствуют, живы и проявляют человеческие чувства. Но, естественно, развитие детей проходит легче, если родители находятся в хороших отношениях друг с другом. И, на самом деле, межличностный мир родителей символизируется для ребенка стабильностью дома и оживленностью улицы, а никак не наоборот — не дом и улица находят символическое выражение во взаимоотношениях родителей.

Без идеализма

Я должен сделать здесь оговорку. Может легко показаться, что в своих попытках описать, что нужно маленьким детям, я требую от родителей, чтобы они были ангелами во плоти, и предполагаю наличие какого-то идеального мирка, вроде сада за городом, где папа подстригает травку, мама готовит воскресный обед, а собака лает на чужую собаку через изгородь. О детях, даже грудных, можно сказать, что им не слишком подходит обстановка механического совершенства. Им нужно, чтобы рядом были человеческие существа, которые могут как достигать успеха, так и терпеть неудачу.

Мне нравится использовать слова «достаточно хороший». Детям подойдут достаточно хорошие родители, а достаточно хорошие — это вы и я. Чтобы быть последовательными и, следовательно, предсказуемыми для детей, мы должны быть собой. Если мы — это мы, наши дети могут постепенно узнавать нас. Естественно, если мы играем роль, то нас тут же разоблачат, как только застанут без грима.

Опасность учения

Передо мной встает проблема, как найти способ научить чему-то, не давая инструкций. Ценность того, чему можно научиться, ограничена. И, конечно, очень важно, чтобы родители, ищущие совета в книгах, понимали, что они не обязаны знать все. Большинство из происходящего с каждым ребенком в процессе развития происходит, понимаете вы это или нет, просто потому, что у ребенка есть врожденная тенденция к развитию. Не нужно прилагать никаких усилий для того, чтобы ребенок проголодался, сердился, был счастлив, печален, нежен, был хорошим или капризничал. Все это происходит само собой. Вы уже сделали в этом отношении все от вас зависящее и заложили определенные тенденции развития, когда выбрали своего партнера и когда один сперматозоид соединился с одной яйцеклеткой. В этот судьбоносный момент генеалогическая книга закрывается и все начинает идти своим чередом, в смысле развития тела, ума, личности, характера вашего ребенка. Это вопрос физиологии и анатомии. Пути этого процесса чрезвычайно сложны, и вы, если хотите, можете посвятить всю свою жизнь интересному научному исследованию развития человека; но это ничем не поможет вам и вашему собственному ребенку, которому на самом деле нужны вы.

Что следует знать

Что же в таком случае полезно знать родителям? Я полагаю, что есть две главные вещи, о которых следует иметь представление. Первая связана с процессом роста и относится к ребенку, а вторая имеет отношение к обеспечению окружения, за которое главным образом ответственны вы.

Процесс роста

Как только вы обратите на это свое внимание, становится совершенно очевидным, что ваш младенец имеет естественную склонность жить, дышать, есть, пить и расти. Вы поступите благоразумно, если будете иметь это в виду с самого начала.

Очень полезно представлять себе, что вам не требуется делать из грудного младенца ребенка, не нужно заставлять ребенка расти, не нужно делать вашего подросшего ребенка хорошим или чистоплотным, не нужно делать вашего хорошего ребенка великодушным и не требуется делать великодушного ребенка умным, чтобы он выбирал правильные подарки для правильных людей.

Если вы отойдете в сторонку и посмотрите, то вскоре увидите, как происходит процесс развития, и испытаете чувство облегчения. Вы дали начало чему-то, у чего есть встроенная динамо-машина. Вы станете искать тормоза.

Каждое замечание, которое я делаю, должно приниматься с поправкой на другое обстоятельство — что никакие два ребенка не похожи друг на друга, так что вы можете встретиться с затруднениями из-за медлительности ребенка в одном случае и подвижности в другом. Но главный принцип сохраняется всегда — что изменения, которых вы ждете, обусловлены собственными процессами развития ребенка.

Так что первый полезный принцип относится к внутренним тенденциям, присущим каждому маленькому ребенку.

Окружение

Второй полезный принцип связан с вашими особыми функциями как окружения и ответственного за окружение. Не нужно доказывать, что ребенок, когда он только родился, нуждается в осторожном обращении и тепле. Вы и так это знаете, а если кто-то выразит сомнения по этому поводу, то пусть покажет, что вы не правы.

В конце концов, вы сами были ребенком, и ваши воспоминания будут направлять вас, и, кроме того, вы могли чему-то научиться, наблюдая и помогая в уходе за детьми.

Окружение, которое вы обеспечиваете, — это в основном вы сами, ваша личность, ваш характер, ваши особенные черты, которые помогают вам чувствовать, что вы — это вы. Это, конечно, включает в себя и все, что собирается вокруг вас: запах, та атмосфера, что вас сопровождает; и тот мужчина, который впоследствии будет называться папой, и, может быть, другие ваши дети, так же, как и бабушки, дяди и тети. Другими словами, я пытаюсь описать семью, — семью, как ее постепенно открывает для себя ребенок, включая и те черты домашней обстановки, которые делают ваш дом не похожим на другие.

Взаимодействие

Итак, перед нами два различных принципа: врожденные тенденции ребенка и создаваемая вами обстановка. Жизнь состоит во взаимодействии их между собой. Поначалу это взаимодействие происходит под самым вашим носом, но затем продолжается за пределами непосредственных окрестностей — в школе, в дружбах или в летнем лагере. И, конечно, *внутри* души и в личной жизни вашего мальчика или девочки.

Можно, конечно, при желании, тратить время на то, чтобы сравнивать поведение вашего ребенка с теми стандартами, которые у вас существуют, основанными или на ваших семейных образцах, или заимствованных у кого-то, кем вы восхищались. Но вы можете извлечь для себя гораздо больше пользы, если станете сравнивать борьбу ребенка — как личности — за независимость, и актуальную зависимость, которая возможна благодаря доверию ребенка к вам и к общей обстановке в вашем доме.

Два рода стресса

Я обрисовал развитие таким образом, чтобы легче было перейти к описанию стресса. Можно сказать, что стресс может возникать из двух различных источников; хотя естественно думать, что на практике мы встретимся с их сочетаниями.

Внутренний процесс

Первый источник обусловлен исключительной сложностью внутреннего процесса развития человеческого индивидуума; нарушения могут происходить внутри. Весь психоанализ описывает как раз это. Для родителей или тех, кто ухаживает за детьми, нет никакой нужды знать, какие именно напряжения и стрессы внутренне присущи процессу утверждения индивидуальной личности и характера, развитию способности к установлению взаимоотношений с семьей и социумом, и, наконец, превращению ребенка в члена общества, без особых потерь для спонтанности и творческих возможностей.

Родители и работающие с детьми люди могут найти, что эти вопросы представляют чрезвычайный интерес; но гораздо важнее суметь представить себе все это образно, чем понять интеллектуально.

Ваш ребенок, играя под столом, резко встает и получает удар по голове. Он бежит к вам и собирается от души поплакать. Вы издаете соответствующие звуки и кладете руку на ушибленное место, а может быть, залечиваете его с помощью поцелуя. Через несколько минут все снова хорошо и игры под столом возобновляются. Что получилось бы, если бы вы написали статью о различных аспектах данного события?

1. Таким способом дети приобретают опыт в процессе игры. Прежде чем прыгать, нужно осмотреться….

2. Конечно, это не стол ударил ребенка по голове, но в этом возрасте его первое ощущение будет именно таким, и один ребенок будет склонен больше, чем другой, цепляться за такую теорию «преследования»; это связано с трудностью восприятия факта собственной агрессии, а возможно, с яростью, которая пропала впустую, так как была слишком мучительным переживанием для ребенка, не обретшего еще полной способности к сохранению интеграции перед лицом возникающих сильных эмоций….

3. Является ли это хорошим поводом для прочтения лекции: «Вот видишь, если ты будешь прыгать, как дурак, то ушибешься, а когда-нибудь….»

Нет, я думаю, будет лучше, если все завершится целительным поцелуем, просто потому, что вы представляете, как чувствовали бы себя на месте ребенка, которого ударил по голове этот гадкий, твердый, мстительный стол. Это называется эмпатией, и если у

вас ее нет, то вы нигде ей не научитесь.

Но, конечно, вы можете быть одиноки, и эта шишка на макушке может стать ниспосланной свыше возможностью для человеческого контакта, и тогда вы целуете, обнимаете, укладываете ребенка в постель и расчувствуетесь; возможно, вы первым делом вызываете врача, чтобы удостовериться, что нет никаких внутренних повреждений!

В этом случае ребенок явился поводом для реакции, связанной с вашими собственными проблемами и такой результат его ошеломляет. Эта реакция выходит за пределы его понимания, но при рассмотрении данного эпизода мы уже не сможем ограничиться внутренними процессами жизни и развития. Повезло тому ребенку, который имеет возможность каждый день приобретать новый опыт общения с вещами, входящими во все расширяющуюся сферу его досягаемости.

Масса различных превращений происходит в темных прожилках ваших японских ландышей, если вы их разводите, и вы можете ничего не понимать в биологии, но ваши ландыши будут славиться на всю улицу своей красотой и чистыми здоровыми листьями.

Нет более захватывающего занятия, чем изучать, как ребенок вырастает из грудного возраста, становится подростком и взрослым, но изучение того, что об этом известно, не имеет отношения к тому, что нужно детям от родителей. Возможно, для учителей и всех тех, кто несколько более отстранен от ребенка, чем его родители в повседневном общении, найдется больше доводов в пользу изучения того, что известно и что неизвестно о процессах развития. И, конечно, для тех, кто работает с аномалиями и кто собирается заниматься лечением детей с нарушениями эмоционального и личностного развития, совершенно необходимо глубокое изучение именно этого предмета.

Трудно удержаться от того, чтобы не углубиться в описание внутренних конфликтов. Приведем только два примера. Первый — универсальная проблема амбивалентности, одновременного присутствия любви и ненависти в отношении к одному и тому же лицу. Другая проблема связана с переживаниями, через которые должен пройти каждый ребенок, чтобы чувствовать, в большей или меньшей степени, свое единство с инстинктивными влечениями, как они проявляются в его органах, или, наоборот, ощущать, как более привычный себе пол, противоположный полу своего тела.

Существует много других конфликтов, от которых страдают и которые пытаются решать наши дети, и мы знаем, что многие из

них заболевают из-за того, что не могут найти приемлемого решения. Но не дело родителя становиться психотерапевтом.

Обеспечение окружения

Совсем по-другому, в отличие от механизмов внутреннего процесса, обстоят дела с обеспечением окружения. Это вы, я, школа, общество, и тут наш интерес совсем другого рода, так как мы несем ответственность.

Потому что либо обеспеченное нами окружение открывает возможности для внутреннего процесса роста, либо оно лишает младенца этих самых возможностей.

Ключевым словом может служить «предсказуемость». Родителям, а особенно матери в самом начале стоит больших трудов укрыть ребенка от того, что непредсказуемо.

Впоследствии мы увидим, как — быстро или медленно — но тот или иной ребенок становится способен сложить вместе два и два и нанести поражение непредсказуемости. Здесь возможны значительные вариации, в соответствии со способностями маленького ребенка к отражению неожиданного. Но все равно мать остается необходимой. Низко над головой пролетает самолет. Это может быть болезненно даже для взрослого. Для ребенка же не годится никакое объяснение. Ему необходимо единственно то, что вы будете крепко держать его, и для него имеет значечие, что вы не перепуганы до потери чувств, и вот он уже убежал и снова играет. А если бы вас не оказалось рядом, он мог бы испытать непоправимое потрясение.

Это грубый пример, но я пытаюсь показать, что с этой точки зрения стресс можно описать как аварию в обеспечении окружения, как раз там, где требуется надежность.

То же самое происходит, когда мать вынуждена оставить маленького ребенка на несколько дней в больнице, как это показано в сильном фильме «Двухлетний малыш в больнице». В этом возрасте ребенок начинает по-настоящему воспринимать ее как личность, и ему нужна именно она сама, а не ее забота и защита. Стресс здесь возникает оттого, что мать отсутствует дольше, чем то время, в течение которого ребенок способен удерживать ее живой мысленный образ или чувствовать ее живое присутствие в образном мире сновидения и игры, который называют иногда «внутренней психической реальностью». Доктора и сестры занимаются телом ребенка, и они часто не знают или у них нет времени подумать о возможности того, что в результате слишком долгой оторванности от матери совершенно изменится личность — из-за разрушения окружения — и будет заложена основа для такого расстройства характера, излечить которое будет невозможно.

Это происходит всегда одинаково: существует достаточно обеспеченное — с точки зрения предсказуемости и соответствия способностям к предвидению у ребенка — окружение, а затем он сталкивается с ненадежностью, которая автоматически нарушает непрерывность процесса развития. У ребенка остается провал между «сейчас» и корнями в прошлом. Приходится начинать снова. Если таких начал окажется много, то у ребенка отказывает чувство, что *Я есть, это я, я существую, это я люблю и ненавижу, это меня видят люди и это то, что я вижу в лице матери, когда она подходит ко мне, или в зеркале*. Процессы роста оказываются нарушены, потому что разрушена цельность ребенка.

Так получается, что многие дети, особенно из самых простых и необразованных, проходят сквозь раннее детство, не испытав ни разу этого опасного разрыва в потоке своей жизни. Такие дети имеют возможность развиваться (по крайней мере, на начальных стадиях), следуя своим врожденным склонностям в развитии. Им повезло.

Но, к сожалению, некоторой части детей, особенно в утонченных культурах, приходится всю жизнь таскать с собой определенный груз этих искажений развития, вызванных непредсказуемостью окружения и вторжениями непредсказуемого извне, и они теряют ясное ощущение того, что *Я есть, я — это я, я существую здесь и теперь, на этом основании я могу входить в жизнь других людей, не опасаясь, что потеряю основание собственного чувства Я.*

Изучение факторов окружения

Я, как мог, пытался разочаровать читателя в мысли, что родителям следует изучать процессы развития, внутренне присущие росту индивидуума, и основывался на унаследованных тенденциях. Для меня не так очевидно, что нет никакой пользы и от изучения обеспеченного взрослыми окружения. Конечно, если мать будет знать, что то, как она поступит, для ребенка жизненно важно — она займет более твердую позицию и будет отстаивать свои права, если ей с легкостью предложат разлучиться на какое-то время со своим ребенком. Чаще всего это означает, что с ним будут обращаться безлично.

Людям предстоит многому научиться в этом отношении, особенно врачам и медсестрам, которых прежде всего интересуют телесные аспекты здоровья и болезни. Матерям и отцам придется самим бороться за свое дело, потому что никто за них этого делать не будет. По-настоящему в этом никто, кроме родителей, не заинтересован.

Это и приводит меня к последнему пункту в моих рассуждениях, к тому, что даже такие вопросы — обеспеченности окружения, надежности, адаптации к потребностям ребенка — не нужно изучать специально. В самом факте рождения ребенка (и даже в том, что вы только готовитесь кого-то усыновить) есть что-то такое, что меняет родителей. Они становятся ориентированы на определенную задачу. Мне хотелось дать этому явлению определенное имя, и я назвал это «первичной материнской поглощенностью», но что толку в именах?

Эта ориентация на нужды младенца обусловлена многими факторами, в частности, тем, что родители на самом деле носят в себе скрытые воспоминания о тех временах, когда они сами были совсем маленькими и о них самих заботились, обеспечивая надежность, защиту от непредвиденного и возможность непрерывного продолжения личностного роста.

Так что природа позаботилась об этих острейших или даже абсолютных потребностях младенцев и сделала для родителей естественным временное, всего на несколько месяцев, сужение их мира, такое, что мир существует для них вот здесь, в середине, а вовсе не там, снаружи.

Заключение

Возможны, таким образом, две точки зрения на стресс. Один подход ведет нас к внутренним стрессам и напряжениям, неотъемлемым от эмоционального роста. Другой подход имеет большее практическое значение (если только мы не занимаемся психоанализом), так как здесь решающей является относительная или полная неудача в обеспечении окружения. Эти неудачи могут быть описаны как ненадежность, разрушение доверия, допущение непредсказуемого или как разрушение целостности (однократное или повторяющееся) линии жизни индивидуума-младенца.

В целом, тех, кто ухаживает за ребенком, находят в результате тщательного отбора, а не обучают в классе.

Дети очень неплохо выбирают себе матерей, по крайней мере, с точки зрения этой первичной материнской поглощенности. За исключением этого, вряд ли они заслуживают высоких оценок. Но им приходится довольствоваться тем, кого они получили в качестве родителей.